Революционеры без революции

Арс Либрев 10.05.2025

Казалось бы, что еще можно сказать о революционном подходе к вопросу переустройства общества. Вроде все ключевые аргументы его сторонников я разобрал в статье о свободе. И тем не менее нашлись те, кто возразил, что именно революционный подход является верным и действенным. Как это часто бывает, опровергнуть приведенные мной аргументы против данного подхода они не смогли, ограничившись тем, что просто выказали несогласие. Однако на просторах Сети можно найти очень и очень много заявлений в его пользу.

Те, кто не просто прочитывают мои статьи, а читают по-настоящему внимательно и проверяют первоисточники, могли заметить, что практически все аргументы в пользу этого подхода, которые я разбираю, я почерпнул из работ одного околомарксистского автора — Александра Николаевича Тарасова. Собственно именно он является наиболее ярким сторонником и основным источником аргументов в пользу революционизма (этот термин по аналогии с термином «реформизм» я буду использовать для краткости) среди современных авторов на постсоветском пространстве. Впрочем не только на постсоветском. Влияние его работ, посвященных критике капитализма, анализу революционных движений, их истории, молодежным субкультурам и просто политике, распространено далеко за пределы оного. У него брали интервью зарубежные репортеры, он писал предисловия для изданий зарубежных книг, посвященных левой тематике, его статьи переведены на английский, испанский и другие языки, а некоторые он сам писал на оных. И именно среди его работ можно найти аргументы в пользу революционизма, которые человеку, не изучавшему и не обдумывавшему сей вопрос, могут показаться обоснованными. Их имеет смысл рассмотреть.

Подчеркну, что я буду использовать термин «революционизм», по аналогии с термином «реформизм». Также как не каждый реформист, т.е. сторонник реформистского подхода, является реформатором, т.е. тем, кто действительно проводил реформы, также и не каждый сторонник революционного подхода является революционером, т.е. тем, кто действительно вел революционную деятельность и может похвастаться успешными либо хотя бы неуспешными революциями.

За время своей деятельности Тарасов обзавелся когортой сторонников, как тех, что публикуются под его предводительством, так и тех, кто просто испытал его влияние или даже с ним не связан, но отстаивает схожую позицию. Рассмотрение позиции Тарасова, по совместительству, является и

рассмотрением их позиции и аргументов тоже. Наконец, необходимо рассмотреть, к каким же результатам привел революционный подход за почти полтора века использования. И каковы достижения на этом поприще самого Тарасова.

У кого-то может возникнуть вопрос — Тарасов не публикуется уже много лет, его проект «Сен-Жюст», хотя сайт его доступен, похоже почил в бозе. Никто из его непосредственных сторонников не проявляет активности, как и он сам. Так зачем же разбирать его аргументы? Как уже было сказано, его позиция по-прежнему распространена, она весьма популярна. Хоть он и не выкладывает новых публикаций, но его прежние работы, доступны, в то время как серьезной критики их нет (та, что есть по большей части представляет собой жалкое зрелище, и о такой критике еще будет сказано). А потому его аргументы продолжают создавать сторонников, влияя на неокрепшие или, напротив, задубевшие умы. Соответственно имеет смысл поставить вопрос об их состоятельности.

И начать, пожалуй, стоит с достаточно серьезного вопроса. А именно с тарасовского варианта революционного подхода.

Противоречия мировой революции

Свое видение того, как может быть осуществлена революция Тарасов изложил в статье «Мировая революция-2». Кратко ее основные положения такие. Революция может быть только мировой, но в таковую она может перерасти только из национальных, которые в свою очередь, формируются из партизанской борьбы угнетенных классов с элитами стран — герильи. Те, кто участвует в борьбе, берут контроль над разработкой месторождений и производством. Тем самым отрезая снабжение элит, а вместе с тем и капиталистического ядра — стран «первого мира». Это позволяет им взять власть в странах, чье производство поставлено под контроль, установить там свои порядки, и такая страна превращается в ячейку мировой революции. Отрезание снабжения стран «первого мира» ведет к снижению финансовых возможностей этих стран, что заставляет их элиты, обрезать социальные гарантии и сокращать зарплаты. Это провоцирует недовольство среди их населения и ведет к возобновлению классовой борьбы, прерванной в этих странах практиками «государства всеобщего благосостояния» и неолиберализмом — характеризующемся ограблением стран «третьего мира», за счет которого доходы корпораций «первого мира», а с ними и государств, возросли настолько, что стало возможно подкупать угнетенных и гасить их недовольство. Это создает условия для возникновения герильи уже в этих странах «первого мира». По мере разрастания таких ячеек сопротивления,

капитализм просто надрывается в борьбе с ним. Устанавливается планетарная система, основанная на государственной собственности, которая в перспективе, когда производительные силы достаточно разовьются, создает условия для уже социалистической революции — системы без государства, без товарно-денежных отношений, без собственности, иными словами, без угнетения и отчуждения.

Как признается сам Тарасов, эта идея не нова. Концепция мировой революции через разжигание национальных относится еще к Ленину, если не к Марксу. Что касается метода герильи, как основного в данной борьбе, то она принадлежит Че Геваре. Это предполагало, что США увязнут во множестве конфликтов, подобных вьетнамскому и надорвутся. Но осуществить такое ни самому Че Геваре, ни кому-либо еще так и не удалось. Причина понятна — у угнетенных просто нет возможностей для такого. Зато они есть у угнетателей. Как раз США успешно применили этот подход против Советского Союза, втянув его во множество конфликтов по всему миру. В результате он и надорвался. Об этом говорит сам Тарасов. И делает вывод, что раз это удалось США, то может удастся и угнетенным.

Так что же не так с предлагаемым им методом? Да все тоже, что и со всеми остальными вариантами революционного подхода. Он не может привести к результату, поскольку, как уже указывалось — и опыт самого Че Гевары это подтверждает — у угнетенных нет возможности организовать такую борьбу. Вьетнам не поразил США и не лишил его притока ресурсов. Иные страны «третьего мира» не подхватили революцию против США. А те, кто также сопротивлялся были подавлены. Кто силой, а кто экономическими механизмами, выстроенными странами «первого мира».

Как указывает сам Тарасов, нигде не проводилась массовая стратегия разрушения инфраструктуры с целью дестабилизации экономики. То есть, никто не пытался массово взрывать нефтевышки, заводы, опоры электоросети и т.д., что вызвало бы прекращение или, по крайней мере, снижение добычи и производства, а следовательно и снабжения паразитов — стран «первого мира». Причина в том, что в разрушении экономики не заинтересованы не только капиталисты, но сами угнетенные, ведь это производство кормит также и их. И только там, где условия жизни становятся невыносимыми, они и решаются на борьбу. Тарасов, кстати, сам пишет о том, что ни одна из сторон не заинтересована в уничтожении того, чем располагает противник — месторождений, средств производства. Того, что обеспечивает жизнь, обладание чем и является целью для обеих сторон.

Тем более такой подход выглядит нереалистично в свете того, что Тарасов революционную организацию предполагает централизованной, что заведомо

невозможно в условиях раздробленности очагов сопротивления — разбросанности герилий по разным странам «третьего мира». Правда дальше он пишет о том, что между ячейками сопротивления необходимо устанавливать горизонтальные связи. Возможно он имеет ввиду, что централизованная структура необходима внутри каждой ячейки, а не в целом в структуре совокупности всех ячеек. И действительно в таком случае обоснованной представляется как раз децентрализованная структура, в которой каждая ячейка способна продолжать функционировать, даже если другие пали. Конечно, в борьбе мирового масштаба, речь неизбежно заходит о координации своих действий против общего противника. И здесь немаловажную роль играют коммуникации, недоступные для сканирования даже таким мощным противником. О передаче информации на физических носителях речи идти не может в условиях разбросанности ячеек по разным уголкам мира. Остаются методы связи через радиотелекоммуникационные каналы, включающие шифрование, запутывание трафика и его маскировку. Тарасов, нужно отдать должное, это понимает, указывая, что в прошлом для революционеров горизонтальные связи были невозможны, в том числе, именно по причине неразвитости информационных технологий, ныне же эти препятствия устранены.

Немного поподробнее стоит остановиться также на сетованиях Александра Николаевича на то, что никто даже не пытался дезорганизовать работу биржи путем устройства компьютерных сбоев. На самом деле, хоть и позднее написания этой его статьи, такие попытки предпринимались. Вот только какого-либо серьезного вреда капиталу это не нанесло. И причина для Тарасова, как человека, относящего себя к марксистам, не может не быть понятна. Основа экономики — материальное производство. А оно происходит в реальном мире, а не в виртуальном. И атаки по виртуальному миру на нем мало сказываются. Это во-первых. У капитала есть хорошие страховочные механизмы от сбоев на таких площадках как биржа. Это во-вторых. Ну а в-третьих, как ни странно, это та самая кадровая проблема, на которую любит сетовать Тарасов в иных своих работах. Обычные рабочие — те, по кому капитал бьет сильнее всего, не имеют компетенции для того, чтобы устраивать такие акции. Тарасов пишет, что это очевидно легко сделать. Для того, кто умеет только косынку раскладывать, и путается в функциях текстового редактора, увы, нет. Но это действительно в те времена, когда писалась его статья, было легко сделать для хорошего хакера. Но хакеры, как раз не относятся к тем по кому капитал сильно бьет. Программирование, вообще компьютерная сфера — сфера с очень высокими доходами. И это условие формирует вполне определенные ориентиры у тех, кто с ней связан. Эти

ориентиры — личный успех, выражающийся в получении как можно больших денег, а цель — потребление. Когда я брал в руки книгу Даниила Туровского «Вторжение. Краткая история русских хакеров» я полагал, что найду чего-то связанное с попытками пошатнуть существующую социально-экономическую систему. Но по мере углубления в чтение меня все больше и больше брала оторопь — все эти раскрутые хакеры, устраивали неимоверно сложные взломы, чтобы просто срубить с капиталистов бабла! Они это делали для личного обогащения. Их целью было захапать побольше и ничего иного. А отжатые деньги они тратили на бухло, наркоту и трах порнозвезд. Я был просто поражен тем, насколько все эти люди эгоистичные, насколько потребительски они смотрят на мир. Потребляди революций не устраивают. С этим, думаю, согласится и сам Тарасов. Конечно, не стоит обобщать. Были группировки, которые действовали из иных идеалов. Которые хотели нанести урон тем, кто виновен в нищете и насилии. Но все их атаки на финансовые и властные структуры так и не пошатнули систему. Они причинили власть имущим неудобства, что за ними даже спецслужбы охотились, но не более того. Одна из причин такого печального итога уже была названа — это не бьет серьезно по непосредственно материальному производству. А еще одна в том, что они не могли грамотно организовать свои удары — так, чтобы они принесли действительно максимально возможный урон тем, на кого они покусились. Они били точечно и по-факту бессистемно, не имея глобальной стратегии обрушения виртуального поля деятельности капитализма. А причина этого в глубочайшей безграмотности в области общественных наук. Непонимание того, как устроено общество, как функционирует государство, экономика, а без этих знаний, нет и понимания того, куда нужно бить в первую очередь, где и как нужно закреплять успех. О социальной борьбе они не знали ничего, в лучшем случае они слышали такие слова как «профсоюз» и «революция». О марксизме уж тем более им было ничего не известно. Хорошо, если хоть слово такое слышали. Если посмотреть их памфлеты, ознакомится с тем, что они говорили в интервью, становится видно, что по своим социальным взглядам они в лучшем случае крайне поверхностные анархисты — не представляющие и не желающие разбираться в том, как организовывать экономику свободного общества. В худшем — либералы. Что касается тех, кто готов в этом разбираться, то у них — из-за необходимости разбираться в этом — не остается возможности разбираться с тем, как устроена компьютерная среда и соответственно нет перспектив нанести в ней какой-либо вред классовому противнику. Ограничение возможностей интеллектуального охвата информации, тоже очень важное и серьезное препятствие, которое не стоит игнорировать. А даже если бы и была, как уже отмечалось, это могло бы быть

лишь некоторым подспорьем, а не основой борьбы за лучший мир.
Еще одной проблемой является то, что угнетатели развернули колоссальный аппарат слежки и контроля за жизнью и действиями людей. Огромные средства тратятся на манипуляцию поведением, на пропаганду. И все это является серьезным препятствием для создания не только революционной организации, но вообще хоть какого-то заметного образования, нацеленного на ниспровержение капитализма и социальное освобождение. Все это препятствует осознанию своих классовых интересов даже у тех угнетенных, кто наиболее сильно зажат капиталом, и следовательно наиболее остро заинтересован в низвержении его власти. Тарасов все это осознает и указывает на это. Однако из этого вывод о том, что нужны методы и средства не связанные с пробуждением классового сознания у широких масс и вообще коллективным действием, он не делает.
Со времен публикации Че Геварой своей стратегии, на момент публикации статьи Тарасова, прошло сорок лет. И за столь долгий срок так не удалось никому реализовать или хотя бы создать возможности для реализации данной стратегии. Не было даже заметных признаков того, что такая реализация где-то подготавливается и зарождается. Все революционные начинания были либо успешно подавлены, либо, добившись успеха в захвате власти, оказались также успешно включены в мировую капиталистическую экономику или задавлены извне, не имея возможности оказать влияние на остальной мир. Тарасов любит говорить в иных своих работах, что историю творят люди. Это так, но с оговоркой. А оговорка в том, что историю творят люди только в рамках тех возможностей, которые им предоставляет объективная реальность. И если за столько времени наблюдается стойкая тенденция стагнации революций, непрерывная борьба, так и не перерастающая в распределенную сеть сопротивления, значит есть какие-то объективные причины, препятствующие успешному развитию событий. Но Тарасов об этом не задумывается. Он указывает, что подготовка очага сопротивления и требует длительного времени. По приводимым им данным, это выходит несколько десятилетий. Даже на момент написания Тарасовым статьи со времен Че Гевары их прошло уже достаточно, чтобы был заметен результат. Его нет. Объективные причины отчасти были названы выше, а основные из них были описаны мной в статье о свободе. Со времен публикации той работы Че Гевары прошло более полувека. Со времен создания Тарасовым своей статьи почти двадцать лет. По-моему, этим уже все сказано.
На Тарасова вылилась значительная критика тех идей, которые он высказывал в своей статье. К сожалению, немалая ее доля представляет собой недоразумение. Это и приписывание ему мнения об идентичности идей Мао Цзэдуна и Че

Гевары, при том, что Мао в статье даже не упомянут. И приписывание ему «цивилизационного» подхода. Все эти несуразности он сам разобрал в своих ответах и останавливаться на этом я не вижу необходимости. Но были в его ответах и свои несуразности.
Один из критиков задает в своей статье Тарасову справедливые вопросы.

> «Куда улетучиваются данные революционные завоевания по мере (и прямо пропорционально) введению рыночных отношений в этих странах? Почему в том же Китае, Анголе, Мозамбике, в Камбодже рыночные отношения начали вводиться теми же самыми людьми, которые были участниками герильи, а потом возглавили партийно-государственные аппараты указанных стран?».

Вопросы очень важные. На что Тарасов в очередной статье отвечает.

> «А потому, дорогой М. Васильев, что это разные вещи: успешный захват власти (о чем я пишу) и эволюция суперэтатистских государств после краха Восточного блока. То, о чем говорит Васильев, – это закономерный конец сталинской модели. Нужно быть либо сталинистом, либо (как обычно у троцкистов) сильно зацикленным на сталинизме, чтобы думать, что ничего, кроме сталинизма, получиться не может».

То есть может? Что ж, приведите примеры. Этого Тарасов не делает. Ибо таких примеров нет. Все революции рано или поздно вырождались, на долгой дистанции они все равно терпят неудачу. В крайнем случае они превращаются в очаги не мировой революции, а национальной экономической стагнации, из которой никакого разжигания революции не идет и которые для стран капиталистического ядра не представляют серьезной угрозы, поскольку ввиду своей малочисленности, не оказывают хоть сколько-нибудь существенного влияния на обеспечение этих стран сырьем и рабочей силой. Начнем с того, что успешные революции в принципе составляют меньшинство от всех революций. Большинство же топятся в крови. Но даже это меньшинство в итоге вырождается и терпит неудачу. И никакие формальные, законодательные запреты на утверждения «создания социализма в отдельно взятой стране» и внедрение буржуазных механизмов, никакие меры предпринимаемые против вырождения, против возобновления капиталистических отношений не помогают этого избежать. Случаи же сохранения революционного духа и стагнации в социальной жизни — случаи меньшинства из меньшинства. По другому и не может быть, когда революции протекают в условиях,

культивирующих именно отношения капитализма. Самое поразительное, что Тарасов сам это показывает. Его статья «Национальный революционный процесс: внутренние закономерности и этапы» именно это и показывает. Что любая успешная революция в рамках капиталистического способа производства неизбежно вырождается. Но заметить того, что этот вывод говорит о неэффективности революционного подхода, Тарасов не может. Вот, видимо, та вещь, которая казалась «ужасной» потенциальным издателям его статьи, о наличии которой говорил Тарасов. Догматизм и впрямь ужасен.

Интересно, что когда Тарасову указали на пример анархистских экспериментов, он их критиковал за то, что они провалились, — провалились не в отношении захвата власти, а именно в отношении реализации тех социальных установок, которые провозглашали. То есть в отношении социалистических, ну или пусть даже «суперэтатистских» преобразований следствия революций. Это «другой вопрос», а вот в отношении всех остальных, в частности анархистских, вопрос не другой. Как будет видно дальше, двойные стандарты и непоследовательность у Тарасова обычное дело.

Отвечая на некоторые критические аргументы он привел в пример движения в Боливии, Эквадоре, Бразилии. Там по его словам они сменили власть и привели к ней правительства, которые провели реформы в пользу угнетенных, сделали государство более социальным. Тарасов описывает эти события так, словно они открыли если уж не прямой путь к социальному освобождению, то к построению системы мирового суперэтатизма (о самой концепции суперэтатизма еще будет сказано ниже), или уж как минимум, к созданию ячеек сопротивления, в контексте тарасовской мировой революции. Однако ничего подобного не было. Все эти движения захлебнулись или в силовом подавлении, или в перипетиях буржуазных правил. И произошло, это в том числе потому что они не к суперэтатизму или коммунизму стремились, а просто боролись за выживание. Тарасов сам пишет, что они это делают для того, чтобы буквально завтра не умереть с голоду. К его революционной истерии это не имеет отношения — они борются за достойную жизнь в рамках существующей системы. Потому даже в случае успеха, они не создают ячейку сопротивления мировой системе капитализма, а пытаются наладить жизнь в своих странах. Эти страны, пытаются выбраться из кризиса, в который их загнал капитализм, а не организовать мировую распределенную герилью. И Тарасов это знает, даже пишет об этом. Но ему необходимо не анализировать реальность — ведь тогда придется признать, что с эффективностью его обожаемого революционного подхода, что-то не так — а показать ничтожность своего оппонента. К возражениям по существу и адекватной дискуссии, это отношения не имеет.

В своем противостоянии критикам Тарасов начинает сам себе противоречить. В

ответ на критику, высказанную Соловьевым, он указал, что тот, видимо, ориентируется на концепцию Семенова, согласно которой, противостояние капитализму может осуществляться только между странами, поскольку отдельные угнетенные не являются той силой, которая способна противостоять карательному аппарату целых государств. Это предполагает противостояние между государствами. Он же считает, что как раз страны противостоять не могут, поскольку у власти в странах «третьего мира» находятся такие же буржуа, и кроме того, противостояние между государствами будет слишком разрушительным, а потому противостояние странам «первого мира» необходимо осуществлять ячейкам сопротивления, организованным угнетенными внутри самих стран.

Где здесь противоречие? Там где Тарасов сам писал, что революционным силам необходимо брать власть в своих странах. И только после этого становится возможным противостоять другим странам — паразитам «первого мира». Он это повторяет несколько раз, в этой же самой статье. Например говорит следующее.

> «Единственной перспективной глобальной революционной стратегией сегодня становится стратегия создания революционных очагов в странах “третьего мира”, установление горизонтальных связей между этими очагами — с игнорированием “первого мира”, его основных имперских культурных институтов и языков — с последующей вооруженной борьбой, организацией восстаний, созданием “освобожденных зон” и захватом власти в конкретных странах, которые затем сознательно должны стать тыловыми базами мирового революционного процесса».

Да даже если бы Тарасов этого не писал прямо, все равно в его схеме такой вывод неизбежен. Ведь как такие вот ячейки сопротивления из угнетенных могут лишить снабжения страны «первого мира»? Ведь если они, например, захватят месторождение в определенной стране, власти этой страны пошлют карателей, вернуть это месторождение обратно. Соответственно, чтобы сохранить контроль над ним, герилье придется бороться с карательным аппаратом власти. Просто скрыться от него здесь они не могут. Ведь тогда придется покинуть месторождение, и оно перейдет обратно властям, которые продолжат гнать ресурсы в капиталистическое ядро, при этом продолжая в этой схеме сами набивать карманы. То есть все, что им — герилье — остается, это свергать власть. И брать страну в свои руки. Но тогда противостояние будет осуществляться между странами, как видится Тарасову не верным в одном

месте его работ, и видится верным в другом. Именно это противоречие и ставит крест на всех его построениях по данному вопросу и на всех его попытках ответить на критику.

Небольшое замечание относительно заявления Тарасова о необходимости отказа для революционеров от языков капиталистического ядра. Под таковыми подразумеваются — английский, французский, немецкий, итальянский, скандинавский, а также сюда можно отнести те диалекты испанского и португальского, которые распространены именно в Испании и Португалии, но не в странах Латинской Америки. Это тот момент, который подвергся наиболее ожесточенной критике. Причем критика по большей части была несостоятельной. Так например один критик в своем ЖЖ написал целый памфлет, где привел «жуткую» ситуацию, в которой дочь революционера хочет прочитать Шекспира в оригинале, а ей запрещают, потому что Тарасов сказал отказаться от «империалистического влияния», коим является английский язык. Это абсурд. Тарасов не предлагал запрещать изучать языки и читать произведения на них. Наоборот, он указывает в статье, являющейся ответом на критику, что изучать языки капиталистического ядра обязательно нужно, чтобы иметь возможность изучать планы противника, который их составляет на этих языках. Таким образом, критик просто сконструировал соломенное чучело. Критики Тарасова подобного уровня в Интернете, к сожалению, полно. И это оттеняет действительно состоятельную критику данного деятеля и его последователей. Возвращаясь же к теме языков, как раз эта идея Тарасова вполне здравая. Но это не делает его концепцию состоятельной саму по себе. К тому же в современных условиях, с развитием электронных средств языкового перевода, использование языков капиталистической периферии становится все меньшим преимуществом. Конечно такие переводчики, какие бы продвинутые нейросети в них не использовались, не сравнятся с живым грамотным переводчиком. Но все же их вполне достаточно для того, чтобы правильно понимать суть сказанного на ином языке. Могут возразить, что языки малых народов в таких средствах не заложены и они не могут с ними качественно разбираться. Это верно, но как отмечает сам Тарасов, наибольший приоритет необходимо отдавать тем языкам, которые используются большим количеством людей среди угнетенных. А это те диалекты испанского и португальского, которые используются в Латинской Америке, китайский, диалекты Индии, т.е. те языки, которые вполне присутствуют в переводчиках и грамотно ими освоены. Тем не менее, аргумент Тарасова не потерял своей актуальности, ибо облегчать работу классовому врагу глупо.

Тарасов, отвечая на критику, задает целый ряд вопросов.

> «Почему революционный режим обязательно должен будет обманывать собственное население сказкой о “социализме в одной, отдельно взятой стране”, а население ему (с учетом опыта XX века) поверит? Почему Соловьев думает, что революционеры обязательно такие дураки, что, зная заранее, что при отказе от мировой революции их ждет неминуемая гибель, они все равно непременно будут сами совать голову в петлю?».

И далее.

> «Почему Соловьев думает, что нет никакого другого пути революционного руководства, кроме сращивания с дореволюционной бюрократией и превращения самих революционеров в бюрократию? Почему он уверен, что нельзя разделить функции технического управления и функции идеолого-стратегического направления и контроля над техническими управленцами? То есть распространить на все сферы военный опыт большевиков (опыт создания института комиссаров)? Причем делом технического руководства будет заниматься “беспартийные” (“буржуазные”) специалисты, а вот жестко контролировать их (и, если надо, беспощадно карать) будут уже революционные кадры. Что мешает наложить жесткие ограничения на революционное руководство, препятствующие его “хозяйственному обрастанию” и “политическому перерождению”? Что мешает провозгласить (и не только провозгласить, но и проводить это на практике) самой страшной опасностью для революции опасность внутреннего перерождения, а вовсе не внешнюю агрессию?».

Но ведь подобные вопросы ему самому могут задать и реформисты. Почему он всех реформистов считает дураками, не способными учиться на своих ошибках? Если посмотреть его работы, то обнаруживается, что у него только два аргумента на этот счет. Во-первых, победить систему, играя по ее же правилам нельзя. Звучит логично, но все же требует доказательств. Таким доказательством является второй аргумент. Во-вторых, практика показала, что реформизм не приводит к сокрушению капитализма. Все чего он добился, это улучшения самого капитализма. Допустим. Но ведь и революции не сокрушили капитализм. Все они либо топились в крови, либо, после прихода к власти, вырождались. В самых успешных случаях, когда им удавалось полностью перекроить карту мира, как в случае с революцией в России 1917 года, это

способствовало только изменению самого капитализма. Опять же к его улучшению и тому, что он стал еще крепче. Таким образом, практика — а практики было огромное количество — подтверждает неэффективность революционного подхода, как и реформистского. Тарасов, когда не может найти аргумент на какое-нибудь утверждение, любит просить привести примеры. Так вот, пусть приведет примеры того, когда революция порождала строй, ставший успешной ячейкой сопротивления, ячейкой мировой распределенной сети противодействия капитализму в контексте его свержения, а не конкуренции с ним, как было у Советского Союза и формируемого им блока стран. Пусть приведет пример, когда власть оставалась в руках «революционеров, а не контрреволюционеров или революционеров, ставших консерваторами». Примеры тех, кто зажат и стагнирует здесь не подойдут — они не являются успешными ячейками мировой распределенной сети сопротивления. Признаков формирования такой сети не наблюдается.

Вообще таких вопросов, какие задает Тарасов, можно задать сколько угодно. Ровно как и на каждый из них можно найти и сколько угодно ответов. Это обычная демагогия, а не доказательство. Чтобы не быть голословным, разберу всего один из них. Тарасов спрашивает «Почему он думает, что нельзя принять такой закон, по которому пропаганда революционером отказа от мировой революции карается публичным повешением?». Действительно, что мешает? Давайте зададим этот вопрос революционерам Кубы или Мьянмы. Что им мешает, почему они его не принимают? Во-первых, может быть все дело в том, что в нынешних условиях, им приходится вариться в рамках своих национальных экономик и пытаться как-то их удержать на плаву. Что в условиях внешнего давления необходимо сосредотачиваться на выживании, которое подразумевает развитие производства в своей стране. А указание на важность такого может быть истолковано кем-то, как пресловутый «отказ от мировой революции». Чтобы избежать последствий, которые могут иметь место, в связи с подобными обвинениями, этих последствий и не учреждают. Во-вторых, даже если бы они его учредили, что мешало бы им — тем, кто находится у власти — не следовать им? В любом государстве, в том числе и в том, где власть установилась в ходе революций, власть всегда игнорирует собственные же правовые нормы по отношению к себе, если это обеспечивает удовлетворение ее интересов. В том же СССР игнорировались процессуальные нормы номенклатурой, и в Китае, и в Мьянме, — у последней, кстати, уже был опыт предыдущих двух перед глазами, однако, это ей не помогло; почему-то революционеры не захотели учится на ошибках. Коррупция запрещена законом, но многих ли это останавливает? Кого-то и останавливает, но чем больше власть, тем меньше сдерживающих факторов. И тем больше

возможностей для игнорирования законов. И следование им имеет место только там, где это не ущемляет интересов тех, кто у власти. Обратите внимание, игры в представительную демократию могут позволить себе только богатые страны «первого мира», а в странах «третьего» власть, как правило, старается удержаться у руля. Поскольку в богатых странах, соблюдение формальных норм не сказывается на богатстве правящего класса. А в бедных, зависимых, им для этого приходится идти на разнообразные способы обходить последствия, производимые этими формальными нормами. При том, что в законодательстве у них могут быть прописаны такие же демократические нормы и процедуры, как и в богатых странах.

Таким образом революция не создает условий для ликвидации пороков общества, а с тем и уверенного противодействия капитализму.

Этот автор упоминал, что Соловьев и другие авторы собирались издать его полемику с критиками отдельной книгой, но «по понятным причинам», это сделано не было. Причины действительно понятны. Критики после его ответов больше не спорили. Нет смысла спорить с человеком, который на каждое твое слово ответит десятью, из которых половина вообще не относятся к делу (как с примером метода Че Гевары и древних империй, о чем ниже), а остальные противоречат сами себе, но скомпонованы они при этом так, что создают иллюзию стройной концепции. Нет смысла спорить с тем, кто практикует софистику. Вполне понятно желание критиков потратить свое время и силы на что-то более важное.

Если кто-то революционный подход все еще считает состоятельным сам по себе, то я отсылаю его к своей статье о свободе, в которой я, в том числе, разобрал различные предлагавшиеся методы социального освобождения, включая революцию. Тарасов, кстати, как оказывается, помимо нее и реформизма никаких не знает. Правда Тарасов знаком с концепцией внутренней свободы и восхваляет оную, но ее в контексте вопроса социального освобождения он не рассматривает. И понятно почему. Ведь в этом случае придется от чего-то отказаться, ибо концепция внутренней свободы не согласуется с концепцией социального освобождения. Это я также показал в упомянутой статье и более останавливаться на этом не буду. Соответственно, последовательно отстаивать и то и другое не получится. Но отказываться от концепции внутренней свободы ему очень не хочется. Ведь ее можно использовать в полемике по иному вопросу. А в ней все средства хороши. Даже противоречащие отстаиваемой позиции.

Его вариант революционного подхода тесно связан с выдвинутой им концепцией суперэтатизма. Поэтому необходимо разобраться насколько она состоятельна.

Несостоятельность суперэтатизма

Впервые концепцию суперэтатизма Тарасов изложил в статье «Суперэтатизм и социализм», однако в ней нет какой-то глубокой разработки и обоснований. Обращался он к данной концепции и в статье «Мировая революция-2», однако опять никаких весомых обоснований и даже просто дополнений ее не дал. Какие-то новые пояснения появились лишь в его статье «Опять тупик», в которой он критиковал концепцию политаризма, выдвинутую Юрием Семеновым. Но даже это не помогло прояснить этой концепции, а критика Семенова, которую тот привел в своей статье «Дилетантизм против науки (размышления об одной рецензии)», являющейся ответом на критику Тарасова, полностью показала несостоятельность тех немногих аргументов, которые Тарасов привел в отношении своей концепции.

Суммируя то, что сказано во всех этих работах можно в целом выделить то, что собой представляет этот «суперэтатизм». Концепция его такова.

На протяжении истории цивилизованного, классового, общества сменилось три способа производства, каждый из которых был представлен двумя видами общественных строев. Один был основан на частной собственности на средства производства, иной на государственной.

Древний способ производства представлял собой домашинное крупнопродуктовое производство, основанное на внеэкономическом принуждении. Ему соответствовали строи рабовладение и этатизм-I. Первый был основан на частной собственности на средства производства, второй, соответственно, на государственной.

Средневековый способ производства представлял собой домашинное мелкопродуктовое производство, основанное на внеэкономическом принуждении. Ему соответствовали строи феодализм и этатизм-II. Первый с частной собственностью, второй с государственной.

Индустриальный способ производства представляет собой машинное крупнопродуктовое производство, основанное на экономическом принуждении. Ему соответствуют строи капитализм и этатизм-III, он же, собственно, и называется суперэтатизм. Именно этот строй, основанный на государственной собственности, в противовес капитализму, основанному на частной, и утвердился в Советском Союзе после революции 1917 года.

Таким образом, концепция суперэтатизма с одной стороны претендует на более правильное объяснение всемирной истории, нежели принятое в классическом марксизме. С другой, отвечает на вопрос о том, какой же строй утвердился в СССР. Расхожее представление о том, что там имел место социализм нельзя принимать всерьез, поскольку тот строй, который утвердился в Советском Союзе явно не соответствует тому, что представляет собой социализм в

классическом марксизме. Ибо социализм (подчеркну, что здесь и далее данный термин используется как синоним коммунизма, а не для обозначения его первой стадии, предшествующей той, которую с некоторого времени и стали именовать просто коммунизмом), это общество без классов, без товарно-денежных отношений, без государства. Никто однако не станет спорить с тем, что в СССР продукты покупались за деньги, и что он был государством. Заявления разномастных догматиков о том, что на первых стадиях данного строя в нем еще сохраняются и товарно-денежные отношения и государственные институты не прокатит, поскольку на этих же стадиях, в соответствии с марксистской теорией, они уже начинают последовательно отмирать. Однако ничего подобного в СССР не было. Отношения купли-продажи и денег не снижали своей значимости на протяжении его истории, а государство приобрело, скорее, только большую власть над жизнью граждан. Таким образом, никакого социализма в СССР не было. А потому возникает вопрос, чем же был на самом деле этот строй?

Именно последний вопрос и вызвал к жизни данную концепцию, как ответ на него. Расширилась же она за счет того, что дать на него ответ не модернизировав классического марксистского взгляда на историю было невозможно. Этот вопрос отнюдь не схоластический, как может подуматься кому-то. Он крайне важен. И не только ввиду важности соответствия реальности объяснения сущности того общественного строя. От ответа на него зависит то, каким образом может быть осуществлено социальное освобождение. Если верна концепция Тарасова, то выходит, что необходимо создать новый Советский Союз, но на иных началах — возродить суперэтатизм, ведь только от него станет возможным перейти к социализму. Если же верна, скажем, концепция политаризма, выдвинутая Семновым, то в этом случае, возвращаться к подобию того строя бессмысленно, поскольку он исчерпал свой прогрессивный ресурс, никакого развития не даст и никаких перспектив он не имеет.

Для начала постараемся разобраться с объяснением истории, характеристиками способов производства и соответствия обрисованной картины реальности.

По большей части критику нарисованной картины дал Юрий Семенов в статье «Дилетантизм против науки (размышления об одной рецензии)», которая являлась ответом на статью Александра Тарасова «Опять тупик», в которой он критиковал концепцию политаризма, выдвинутую Семеновым. Поэтому здесь обратимся к указанной работе Юрия Ивановича.

Один из наиболее важных моментов тарасовской позиции в том, что он марксистский термин «способ производства» понимает по своему, а не так, как принято в марксизме. Как указывает Юрий Семенов по этому поводу.

> «Как известно, К. Маркс считал, что в основе эволюции человеческого общества лежит развитие производства материальных благ. Производство это всегда происходит в определенной общественной форме, которую образует система социально-экономических, или производственных, отношений. Существует несколько качественно отличных типов социально-экономических отношений и тем самым несколько качественно отличных их систем. Производство, взятое не вообще, а в определенной общественной форме, и есть, по Марксу, способ производства. Способов производства существует столько, сколько существует качественно отличных систем социально-экономических отношений. Таким образом, в основе различия способов производства лежит различие их общественных форм — систем социально-экономических отношений».

Чтобы подчеркнуть, что такое понимание способа производства, т.е. как типа социально-экономических отношений, в которых происходит производство благ, характерно для марксизма можно привести цитаты из классиков. Маркс по этому поводу говорил следующее.

> «Общий результат, к которому я пришел, и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания... На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является лишь юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот

> во всей громадной надстройке... В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации».

Маленькое терминологическое отступление для тех, кто плохо знаком с марксизмом. То, что в данном отрывке Маркс именовал античным способом производства, чаще называют термином рабовладение. То, что Маркс здесь называл буржуазным способом, чаще называют термином капитализм. Теперь вернемся к вопросу содержания понятия способ производства.
Из современных авторов можно обратиться, например, к книге Андрея Колганова «Что такое социализм?». В ней он определяет способ производства так.

> «Способ производства — ступень развития общественного производства, в основе которой лежит противоречивое взаимодействие производительных сил исторически определенного уровня и характера, и соответствующей им системы производственных отношений».

Все эти цитаты были приведены сугубо для того, чтобы показать, что тарасовское понимание термина «способ производства» не соответствует тому, которое принято в марксизме, несмотря на то, что он сам себя считает марксистом, поскольку он кладет в основу разделения способов производства понятие не производственных отношений, а производительных сил, которые он отождествляет с уровнем развития техники. Тут могут возразить, ведь в одном из своих интервью Тарасов упомянул, что важнейшей составляющей производительных сил является рабочая сила — сами люди, производители. Однако, поскольку этот фактор он никак не подчеркивает в схеме разделения способов производства, попытка принять его во внимание ни к чему не приводит, и на содержательность его аргументации по вопросу разделения способов производства этот момент никак не влияет. На первый взгляд может казаться, что такой подход не противоречит классическому, ведь и там указывается на соответствие производственных отношений уровню развития производительных сил. Однако производительные силы, помимо уровня техники, определяются еще и типом производственных отношений. Например рабовладельческий и азиатский способы производства опирались на технику одного и того же уровня. Однако разная организация производства, которая зависит как раз от типа производственных отношений, сделала один из

способов — рабовладение — более продуктивным. Это проявилось при столкновении данных систем. Маленькая античная Греция победила огромную Персию. Таким образом, при рабовладении имели место большие производительные силы, чем при азиатском способе производства. Некоторые исследователи отрицали существование азиатского способа производства, заявляя, что он-де то же рабовладение, только по иному проявленное. Здесь не место спорить с данной позицией, просто скажу, что такая интерпретация не выдерживает критики, что показано тем же Семеновым. Однако если сравнить рабовладение и феодализм, картина схожая. Уровень техники фактически не различался, однако ни у кого из исследователей не вызывает сомнений, что при феодализме производство прибавочного продукта выросло. То есть при феодализме имели место большие производительные силы, чем при рабовладении. С учетом всего этого для разграничения способов производства обоснованнее брать именно тип производственных отношений. Некоторые авторы пытались класть в основу способов производства сугубо развитие техники, однако в этом случае разграничить между собой азиатский, рабовладельческий и феодальный способы производства не выходит. И такие авторы, как правило выходили из положения тем, что объединяли их в один. Однако тогда остается вопрос — почему капитализм появился только там, где имел место тип отношений, называемый феодализмом, а в иных местах — с азиатским и рабовладельческим строем — нет, если везде был один и тот же способ производства? Ведь поводом смены способа производства по тому же определению — а капитализм это по такой концепции новый способ производства — становится уровень развития техники, который при одинаковом способе производства с необходимостью одинаковый. Выходит, что смена способа производства все-таки происходит в связи с противоречием производственных отношений и уровня развития производительных сил. То есть, рассматривать способ производства в отрыве от понятия производственных отношений, сугубо с упором на уровень развития техники, не корректно. Отбросив же этот момент, а вместе с ним и понятие производственных отношений из определения способа производства мы получаем несоответствие даваемого в рамках концепции объяснения исторической реальности и самой этой реальности. Таким образом, основным параметром для разделения способа производства, как уже отмечалось, являются именно производственные отношения. Обращаю внимание, что Маркс в указанном отрывке не объединял азиатский, античный и феодальный способы производства в один. И у Колганова подчеркивается, что способы производства образует взаимодействие уровня развития производительных сил и производственных отношений. Иные толкования и подход, да еще и

сопровождающееся попыткой вписать его в устоявшиеся представления о том или ином общественном строе, приводит к несоответствиям. Именно они и получаются у Тарасова. Вот, что указывает Семенов по этому поводу.

> «Если подходить чисто поверхностно, то кажется, что критерий техники вполне срабатывает при попытке провести грань между “древним” и “средневековым” способами производства, с одной стороны, и “индустриальным” — с другой. Но ведь всем хорошо известно, что капитализм возник и некоторое время развивался до промышленной революции. Спрашивается: к какому же способу производства нужно относить домашинный капитализм? Ни у кого ни из экономистов, ни из историков нет сомнений, что домашинный капитализм есть капитализм. Все это говорит о том, что в основе выделения способов производства должен лежать один признак — тип производственных, социально-экономических отношений, образующих общественную форму, в которой идет процесс производства. Всякий иной подход ни к чему другому, кроме как к невероятной путанице, привести не может».

Далее возникают известные трудности при попытке разделить рабовладельческий и феодальный способы производства. И даже если счесть, что рабовладение и феодализм никакие не способы производства, как и утверждает Тарасов (тем самым, кстати, опять же отрицая устоявшийся в марксизме понятийный аппарат), а всего лишь строи внутри древнего и средневекового способов производства, парные этатизмам, то проблема не решается, поскольку остается затруднение в попытках разделить по уровню производительных сил уже древний и средневековый способы производства. Поэтому, чтобы их разделить, Тарасов прибегнул к разделению их по критерию объема. По нему производство есть крупнопродуктовое и мелкопродуктовое. Что он имеет в виду, он нигде не поясняет. Ни в одной своей статье. При этом он отождествляет крепнопродуктовое с крупнотоварным, а мелкопродуктовое с мелкотоварным, хотя продукт и товар понятия не тождественные, последнее предполагает, что продукт был произведен для продажи, а далеко не все продукты являются таковыми. Это отождествление он тоже никак не поясняет. Впрочем, по иным его работам становится понятно, что Тарасов и слово «товар» понимает по своему. Если обычно под этим словом понимается продукт, производимый для продажи на рынке, то Тарасов понимает под ним любой продукт, который употребляется не самим производителем. Любой продукт, который отчуждается от него, независимо от того каким именно

методом отчуждается. Это все же ничего в данном случае не проясняет. Семенов тем не менее, попытался в этом разобраться. Он говорит следующее.

> «Можно догадываться, что, говоря о крупнопродуктовом и мелкопродуктовом производстве, А. Н. Тарасов имеет в виду не физические размеры создаваемых вещей, а масштабы хозяйств, производственных ячеек, в которых создается продукт».

Поскольку здесь высказана догадка имеет смысл задать вопрос, верна ли она? Правильно ли Семенов понял то, что имел ввиду Тарасов? Какие могут быть варианты интерпретации? Мне в голову пришло три возможных объяснения. Во-первых, размер создаваемых вещей. Его вряд ли можно считать верным, поскольку при любом строе производятся вещи разного размера, как мелкие, так и крупные. Во-вторых, объемы создаваемой продукции. В этом случае придется утверждать, что при средневековом способе производства, которому соответствуют феодализм и этатизм-II, объемы производства были меньше, так как там оно названо мелкопродуктовым. Такая интерпретация приводит к выводу о том, что средневековый способ производства был менее прогрессивным, что в нем производительные силы были меньше развиты. Это не соответствует ни историческим реалиям, ни тарасовской концепции. В-третьих, как предполагал Семенов, масштабы хозяйств, производственных ячеек, в которых создается продукт. Это предположение можно подтвердить тем, что термин «мелкотоварное производство» встречается в литературе, обозначая мелкобуржуазное хозяйство, а поскольку мелкопродуктовое Тарасов отождествляет с мелкотоварным, то вероятно имеется ввиду нечто подобное. Таким образом, судя по всему, Семенов верно понял, что имел ввиду Тарасов. И далее он разбирает взгляд на древний способ производства.

> «При рабовладельческом способе производства существовали производственные ячейки, в которых трудилось значительное число работников — рабов. В этом смысле производство было “крупнопродуктовым”, но, кстати, не обязательно товарным. Что же касается стран Древнего Востоком с их, выражаясь языком А.Н. Тарасова, этатизмом-I, то крупные хозяйства были там редким явлением. Основную массу производителей материальных благ составляли крестьяне, хозяйства которых никак нельзя назвать крупнопродуктовыми. И работали они, как правило, вовсе не на рынок. Их хозяйства не были товарными. Все, что сказано рецензентом об этатизме-I, — плод его фантазии, противоречащий

всем известным историкам фактам».

После этого разбору подвергается и средневековый способ производства.

> «При феодализме хозяйство крестьян было мелким, но на протяжении определенного времени отнюдь не товарным. Кроме крестьян, свое собственное хозяйство вели и феодалы. И оно уже мелким не было. Под этатизмом-II А.Н. Тарасов, по-видимому, понимает социальный строй стран средневекового Востока, который был таким же, что и на Древнем Востоке. И если это предположение верно, то получается, что одному и тому же социальному строю даются совершенно разные характеристики в зависимости от времени его существования».

Касаемо индустриального способа производства он, как уже было показано выше, не согласуется с данными о мануфактурном капитализме, который возник еще до промышленной революции, и соответственно, не может быть отнесен к к указанному способу производства, что однако не останавливает Тарасова от провозглашения его одним из строев этого способа производства, парного суперэтатизму. Также Семенов показывает, что сама концепция «соответствия» строев с разными видами собственности в рамках одного способа производства не вписывается в исторические реалии, не выдерживает критики. Он указывает следующее.

> «А.Н. Тарасов говорит о соответствии и параллельном существовании двух социальных строев при каждом из выделенных им трех “способов производства”, нигде не раскрывая смысла, в котором он употребляет и слово “соответствие” и словосочетание “параллельное существование”. Можно догадываться, что соответствие между рабовладением и этатизмом-I он видит в том, что и там и там производство было “крупнотоварным (крупнопродуктовым)”. Но как мы уже видели, это совсем не так. Под параллельностью их существования имеется в виду, вероятно, их бытие в одно и то же историческое время. И опять у А. Н. Тарасова ничего не получается. Ведь общества с социальным строем, именуемым рецензентом этатизмом-I, появились в XXXI в. до н.э., т.е. самое малое за 23 века до появления обществ, базирующихся на рабовладении, и продолжали существовать и после их гибели в V в. н.э. вплоть до середины и даже конца XIX в.».

Можно, конечно, обратить внимание на то, что Семенов не заметил. А именно

на подчеркивание Тарасовым, что древний и средневековый способы производства базируются на внеэкономическом принуждении, а индустриальный, на экономическом. Таким образом выходит, что в основу понятия «способ производства» он кладет сразу три критерия. Во-первых, технику — древний и средневековый были домашинными, а индустриальный машинным. Во-вторых, объем производства, ни то ячеек производства, ни то еще чего-то, — древний, также как и индустриальный, были крупнопродуктовыми, а средневековый мелкопродуктовым. В-третьих, тип принуждения — древний и средневековый основывались на внеэкономическом принуждении, а индустриальный на экономическом. Как мы уже видели, такой подход не только создает неимоверную путаницу, но и не соответствует историческим реалиям. Ибо этатизмы при древнем и средневековом способах производства не отличались ни уровнем развития техники, ни объемами производства, как бы их не понимать, ни типом принуждения к труду. Единственную оговорку, которую здесь можно сделать, это указать, что данное утверждение верно, если под этими этатизмами имеются ввиду те социальные строи, которые имели место на Древнем и средневековом Востоке. Тарасов в одной из статей упоминал, что под этатизмом-I имеется ввиду тот строй, который обычно называют азиатским. В отношении этатизма-II он никаких пояснений не давал. И если под «соответствием» Тарасов понимает ни как предположил Семенов — одинаковость размеров ячеек производства — а что-то другое, то что? Если этатизм-II существовал не на Востоке, то где? Если не в Средние века, то почему способ производства, к которому он относится, назван средневековым? А если все-таки в это время, но не на Востоке, то опять же где? В Российской империи? Или в Латинской Америке? И снова, если при этом на Востоке продолжал существовать этатизм-I, то почему способ производства древний, если на дворе уже средневековье? Кроме того, иногда вместо слова «соответствие» Тарасов использует выражение «параллельное существование», что уже не оставляет того простора для интерпретаций, который был показан выше и снимает порожденные этим вопросы, но возвращает к вопросам, которые возникали при трактовке строев в рамках одного способа производства, как существовавших в одно и то же время. Короче говоря, конструкции Тарасова невероятно запутанные, совершенно не разработанные и не соответствуют марксистским представлениям и марксистскому категориальному аппарату. В последнем не было бы ничего криминального, если бы автор не относил самого себя к марксистам и не объявлял свою концепцию марксистской. Но он именно так позиционирует ее и себя. Именно поэтому я называю его околомарксистским деятелем, а не марксистским.

Касательно характеристики самого «суперэтатизма», т.е. строя Советского

Союза, Тарасов его описывает так. Это строй, основанный на индустриальном машинном производстве. В нем имело место экономическое принуждение — люди там работали за деньги, которые необходимы для покупки товаров требующихся для обеспечения жизни. При этом в нем отсутствовала частная собственность, т.к. отдельные лица и группы людей не владели средствами производства. Собственность же на средства производства являлась государственной. В СССР все были наемными работниками у этого государства. В СССР было три общественных класса — рабочие, крестьяне и работники умственного труда, такие как ученые, писатели, партийные работники, вплоть до генсека и т.д. Все они были эксплуатируемыми. Эксплуататоров же людей — эксплуататорских классов — не было. Эксплуататором было само по себе государство. Идеологией же его был изуродованный, извращенный марксизм, из которого была выхолощена вся живая мысль, т.е. псевдомарскизм. Теперь разберемся во всем этом по порядку.

В отношении того, что в СССР имело место индустриальное производство, в котором использовались машины, сомневаться не приходится. Как и в том, что там имело место экономическое принуждение, — работали все за деньги и ради денег (кто-то «в том числе», кто-то исключительно ради них), поскольку без них невозможно было приобрести продукты для обеспечения жизни. Не приходится спорить и с тем, что советский «марксизм» был искаженным и не соответствовал подлинному марксизму, лишь используя его понятийный аппарат. Чтобы не раздувать текст, не буду останавливаться на этом моменте, за обоснованием отсылаю к работе Юрия Семенова, в которой это показано весьма подробно. А вот с остальными пунктами необходимо разобраться.

Как мы видим, Тарасов признавая в Советском Союзе наличие классов отрицает в нем существование эксплуататорского класса. Эта позиция противопоставляется концепции Юрия Семенова, который утверждает, что в Советском Союзе был эксплуататорский класс. Им являлась номенклатура — ответственные партийные работники. В их собственности находились средства производства. Но эта собственность носила своеобразный характер. Ни один из этих работников не был собственником по отдельности. Собственниками они были только вместе взятые. Здесь не место обосновывать состоятельность концепции Семенова, поэтому сосредоточимся только на тех возражениях Тарасова, которые он высказывает, в рамках подтверждения своей концепции.

Тарасов подчеркивает в статье «Бюрократия как социальный паразит», что важнейшей характеристикой класса является его отношение к средствам производства. Это верно. Так какого же было отношение к средствам производства у советской номенклатуры? Она ими распоряжалась. Распоряжение не есть еще собственность. Кто же ей владел? По отдельности

никто из них не имел ее во владении. Само по себе государство владеть не могло, поскольку оно всего лишь машина (подробнее это положение еще будет рассмотрено ниже). Значит, это были люди. Остаются только те, кто участвовал в распределении продукта и управлении производством. Но в таком случае выходит, что собственниками они были только все вместе взятые, а не по отдельности. То есть, собственность была общеклассовой. Как и писал Семенов.

Тарасов говорит, что в СССР все были в положении наемного работника на службе государства, а те кто принимал государственные решения относились к классу умственного труда. Но тогда получается, что Сталин пользовался теми же правами, что и писатель или ученый. Но ведь нет, Ландау или Маяковский не обладали властью, которой обладал Сталин, они не могли принимать государственных решений. Они не участвовали в распределении прибавочного продукта и не диктовали условия работы предприятиям. В отличии от Сталина. По концепции Тарасова, получается, что и генсек подвергался эксплуатации. Можно продолжить это рассуждение и указать, что по этой концепции выходит, что и в Древнем Египте эксплуатацией также занималось безликое государство. Причем всех жителей, не только простых, но и правящей верхушки. Несчастный фараон был жалким эксплуатируемым государства, совсем как тот рабочий, что тащит с товарищами камни к строящейся пирамиде. Что же препятствовало им отбросить эксплуатацию безликими государственными институтами? Тарасов ведь сам любит повторять, что историю творят люди, а не безликие законы развития общества и природы. Но это также подтверждает, что и эксплуатацию могут осуществлять только люди, государственные решения могут принимать только люди, а не безликие институты государства. Интересно, а генсек и фараон сами знали, что они эксплуатируемые как простые рабочие? Тарасов же указывает, что если собственник является собственником, он обязательно должен знать, что он собственник, иначе он не собственник. Тогда уж и эксплуатируемый должен знать, что он эксплуатируемый, иначе он не эксплуатируемый.

Тарасов заявляет, что все при суперэтатизме находятся в положении наемных работников у государства. Но по такой логике получается, что и при капитализме совершенно та же ситуация. И Тарасов в иных статьях так и говорит, кстати, что формально при капитализме наемными работниками являются вообще все, вплоть до президента. А потому, эта формальность не может быть содержательной, реальное положение вещей не соответствует этой формальной схеме. Значит и при советском строе и в Древнем Египте суть социального положения тех, кто находился у власти не могла быть определена исходя из того, как оно было записано в законах, или как они сами его себе

представляли. Это определяло то, какую роль они играли в управлении производством и распределением прибавочного продукта. А если их роль отличалась от роли обычных людей, то и положение было не таким же. То есть категория наемного работника здесь не подходит. Тарасов, видимо, чувствовал слабость этой стороны своей аргументации, поэтому в статье «Суперэтатизм и социализм» уточнял, что класс работников умственного труда состоял из двух подклассов, один из которых чиновничество. Однако, это мало что меняло, тем более что позднее в ответе Соловьеву он заявил, что граница между чиновничеством и остальными представителями того класса, к которому оно принадлежит, условна. То есть граница между властью и простыми работниками определенных сфер условна, считай ученый по своему социальному положению ближе к генсеку, чем к простому рабочему. Я не понимаю, как можно подобное воспринимать всерьез. И оговорки Тарасов о том, что разница была, но была вытеснена в сферу надстройки, ничего не меняет. И вот почему. Государство это категория, как раз, надстройки, эксплуатация же относится к экономике, т.е. к базису. Уже исходя из этого государство само по себе не может никого эксплуатировать.

Тарасов, говоря о суперэтатизме и том, что государство при нем само эксплуатирует работников, нигде не поясняет, что вообще такое государство. Если исходить из общепринятых представлений, то оно не может никого эксплуатировать, как молоток не может сам забивать гвозди — нужен кто-то, кто этим молотком будет работать. И кстати, в свойственной себе манере, когда нужно поддеть оппонента Тарасов вспоминает о том, что знает это. Например в статье «Мало читать Маркса. Его надо еще понимать» он пишет следующее «Государство, с точки зрения марксизма — это всего лишь машина, с помощью которой одна часть общества подавляет другую». Так, кто же по такой логике все-таки эксплуатировал простых советских людей? Само по себе государство или часть общества, которая его использовала? В случае государства, это все равно, что постулировать существование школы, в которой нет учителей, а есть только ученики; учит же их сама по себе школа. Но также как стены с партами не могут сами учить учеников — необходимы учителя — так и государственные институты не могут сами эксплуатировать угнетенных. Нужны люди, которые будут этими институтами пользоваться и через них осуществлять эксплуатацию. Эти-то люди и будут эксплуататорами. Собственность, это определенные социальные отношения, отношения между людьми. Собственниками, таким образом, могут быть только люди.

В статье «Суперэтатизм и социализм» Тарасов признает то, что сотрудники госаппарата представляли собой персонификацию государства как собственника и воспринимали государственную собственность как свою

коллективную. Он пишет, что эти сотрудники — бюрократия — паразитировали на государстве. То есть он признает, что они осуществляли функции управления производством, они распоряжались прибавочным продуктом, но признавать их отдельным классом он не хочет. Эксплуатировало советских людей, по нему, само государство, а не эти представители номенклатуры. Они только пользовались плодами эксплуатации государства. Но чем пользование плодами эксплуатации отличается от самой по себе эксплуатации? Можно было бы ответить — тем, что пользующийся не имеет влияния на сам процесс эксплуатации. Например различная обслуга правящего класса при том же капитализме — журналисты, пропагандисты, шоумены и прочие — тоже пользуются плодами эксплуатации, в их пользу перераспределяется часть прибавочного продукта. А кто непосредственно получает его? Собственники капитала. Обслуга не принимает решения о перераспределении и о том, как именно распоряжаться капиталом, она не принимает решений, связанных с эксплуатацией. Кто же их принимает при строе с государственной собственностью? Утверждать, что это делает само по себе государство, значит приписывать ему черты личности, желания, а госаппарату роль жрецов, которые получают указания от него. От кого же получал указания Сталин или Брежнев? Решения все же принимают люди. И соответственно решения, связанные с эксплуатацией, в системе с государственной собственностью, принимает не государство-демиург, а те, кто стоит у государственной власти. Таким образом, и эксплуатацией занимается не безликое государство, а эти же люди. Говоря иначе — они являются эксплуататорами. Как ты не крути, а не получается строя с эксплуатацией и эксплуатируемыми, но без эксплуататоров. Историю все же творят люди, а не безликие механизмы государства.

Весьма забавно, что Тарасов настолько боится признать правящую верхушку в СССР собственниками и эксплуататорами, что когда оказывается вынужден признать их интересы, как определенной категории людей, он эту категорию называет не классом, а сословием. Однако то или иное сословие отличается, не только своей ролью в распределении продукта и организации труда, но и особыми юридическими правами, которыми не обладали представители номенклатуры в Советском Союзе. Различие между сословиями закрепляется в праве. Различие же между классами не обязательно. Этим сословие и отличается от класса. Верхи Советского Союза не обладали какими-то особыми правами перед обычными людьми. Формально перед законом все были равны. Могут, конечно, возразить, что у них были привилегии. Но привилегии есть и при капитализме, что же, выходит, что и при капитализме общество сословное? Привилегии не тождественны юридически закрепленному неравенству в

правах. Могут, конечно, еще возразить, что Тарасов сказал это иносказательно. Но тогда возникает вопрос, что же он имел ввиду на самом деле. Если не буквальное сословное деление, какое же тогда? Чем верхи по существу отличались от низов? Ролью в распределении продукта и организации труда, в отношении к средствам производства. То есть были разными классами. Не выходит по-иному толковать то положение вещей. Однако Тарасов делать такого вывода не желает. И дальше Тарасов начинает рассуждать в классовых категориях о номенклатуре, просто заменив термин «класс» термином «сословие». Он говорит о становлении этого «сословия», после осознания своих интересов, «сословием для себя». Но почему не классом-то? Потому что тогда концепция Тарасова вся рассыпется. И придется признать, что Тарасов не прав. Признавать же свои ошибки он не только не любит, но и не умеет. Всякую мелочь, вроде терминов или впечатлений о конкретных людях в расчет принимать не стоит, слишком уж они незначительны.

Вопрос о возможности государства самого по себе быть собственником, связан с вопросом того, как Тарасов вообще понимает собственность. Чтобы последовательно в этом разобраться можно начать, опять же, с его понимания важнейшего понятия производственных отношений. Здесь, опять же, создается впечатление, что он их вообще отбрасывает. На такую мысль наводило не только то, что он вообще не использует это понятие в работах, где говорит про свой «суперэтатизм», а также одна формулировка в статье «Опять тупик». Суть ее в том, что, как считает Тарасов, говорить о способе производства нужно не прибегая, как это было принято в советском «марксизме» к нанизыванию марксистских штампов один на другой в попытке охватить все на свете, а используя чисто описательные характеристики. Поскольку до сих пор понятие способа производства основывалось на понятии производственных отношений, которое является достаточно многоплановым и включает в себя различные аспекты, то можно было бы предположить, что по Тарасову это и есть «нанизывание марксистских штампов один на другой в попытке охватить все на свете». Хоть Тарасов, этого прямо и не говорит, но похоже намекает, что в понятии «производственных отношений» отражается такая вот попытка «охватить все на свете». Однако, в письме Фемидиплюсу об индустриальном способе производства и советской идеологии он таки говорит о производственных отношениях. И определяет их как отношения между людьми в процессе общественного производства. Тарасов в ней верно разделяет понятия производственных отношений и отношений собственности. Однако из этого же письма становится понятно, что именно понятие отношений собственности, а с ним и самой собственности, он понимает крайне своеобразно. Он корит Семенова за то, что он «как советский догматик»

понимает собственность только как отношения между людьми, но не как отношения людей к материальным предметам. Ну, во-первых, это уже откровенная ложь. Везде, где Семенов разъясняет понятие собственности, он подчеркивает, что собственность в самом общем понимании, есть такое отношение человека к вещам, которое означает полную принодлежность их ему. Во-вторых, то что собственность есть не только отношение между людьми, но и отношение человека к вещам, ничего не меняет. Это никак не делает из государства самого по себе собственника. В этом же письме Тарасов разделяет понятия собственности и эксплуатации. Хорошо. Но опять же, это ничего не меняет, ведь он говорит, что государство эксплуатировало людей именно потому что было собственником. Далее, даже если мы закроем глаза на этот момент и решим, что эксплуататором государство было не потому что было собственником, тогда непонятно почему люди давали себя эксплуатировать, если они творят историю. Я понимаю, что мы с вами уже в который раз идем по одному и тому же кругу, но это все потому, что концепция Тарасова не только не согласуется с историческими реалиями, не способна адекватно объяснить факты, но и потому что она внутренне противоречива. Теперь отношения эксплуатации выведены из категории сугубо частной собственности и распространены на любые виды собственности. И в этом случае эксплуатацию можно найти, например, в личной собственности — когда человек использует вещи, т.е. эксплуатирует их. Но такая эксплуатация не может быть воспринята как тождественная эксплуатации человека человеком, поскольку у предмета нет интересов. Подобное расширение понятия не ведет ни к чему, кроме размывания и исчезновения самой сути понятия эксплуатации, связанного с частной собственностью. Далее, видимо Тарасов ведет к тому, что вещи могут эксплуатировать человека. А оправдает это видимо ссылками на товарный фетишизм. Но тогда получается, что и понятие классовой борьбы нужно расширять до борьбы с вещами-фетишами, а эти вещи придется провозгласить классом. Ну или же отказаться от привычного понимания классовой борьбы. По логике Тарасова, тогда становится возможно объявить государство само по себе эксплуататором человека. Вот только государство не вещь, а аппарат, включающий в себя определенные социальные институты. Выходит, что понятие отношений собственности нужно еще расширять и на отношение человека к институтам, причем именно как безликим механизмам. И дальше Тарасов именно это и делает. В той же публикации он заявляет, что отношения собственности, это отношения людей и социальных институтов к орудиям труда и средствам производства в процессе общественного производства. Тут сразу возникает вопрос, какие отношения собственности Тарасов имеет ввиду? Если экономические отношения собственности,

отношения распределения и обмена — те социальные связи, которые называют производственными отношениями, то такие отношения могут иметь место только между людьми. Он сам, напомню, пишет о том, что производственные отношения, это отношения между людьми, в которые те вступают в процессе общественного производства. Если же имеются ввиду юридические, которые закрепляются в праве, то действительно в них собственность может принимать форму собственности общественных институтов. Тарасов, похоже, говорит именно о юридических отношениях собственности. Но возникает вопрос — будучи государственной по форме, каковой собственность является по содержанию? Социальные институты не существуют сами по себе. Они хоть и могут формально утверждаться как собственники или руководители, но за ними всегда стоят люди, которые ими и управляют. То есть, хотя тот или иной институт по форме и может быть собственником, но по содержанию им будут те люди, которые за ним стоят и им управляют. Тут стоит заметить, что в статье «Бюрократия как социальный паразит» он как раз обвиняет одного из авторов в том, что тот понимает собственность, якобы, только как юридическую категорию. Но если все-таки для Тарасова есть и иная категория, в чем же она состоит? Я долго размышлял, как же он на самом деле понимает отношения собственности. Предполагал, что, вероятно, он понимает собственность как, в том числе, экономическую категорию. А вот отношения собственности знает только юридические. Но непонимание экономических отношений собственности у человека, объявляющего себя марксистом, меня ставило в недоумение, тем более, что о производственных отношениях он все-таки знал, хоть и не описывал их нигде как экономические отношения собственности. Наконец, я, кажется, понял в чем дело. В представлении Тарасова, юридические отношения порождают экономические, а не являются отражением экономических. Не реальные отношения распределения и обмена закрепляются в праве, как право владения, распоряжения и пользования, а записанные в документах право владения, распоряжения и пользования, порождают определенные распределение и обмен. То есть он в своих представлениях о собственности ставит телегу впереди лошади. Только так я могу объяснить то, что он не видит их как сугубо отношения между людьми, а видит, в том числе, как отношения людей и социальных институтов.

Тарасов пытается обосновать свою позицию тем, что отношения эксплуатации не всегда являются отношениями собственности. Тут он смешивает в одну кучу сразу все. В таком контексте очевидно, что имеется ввиду эксплуатация человека. Предметы не могут эксплуатировать — у них нет интересов. Государственные институты сами по себе также не имеют интересов. Интересы имеют те, кто ими управляет. Выходит, что эти люди и осуществляют

эксплуатацию. Марксистское определение частной собственности — это такая собственность на средства производства, которая позволяет одним людям присваивать себе плоды труда других людей. То есть эксплуатировать их. Отношения частной собственности, это именно отношения эксплуатации. Если брать иные виды собственности, то тогда уже неуместно говорить об эксплуатации. Так или иначе собственность есть отношение к чему-либо человека, но не некого предмета или института к человеку. Собственность предполагает возможность по своей инициативе отчуждать и присваивать. Это возможно только для того, у кого есть интересы. То есть никак не предметы и не государственные институты. В общем, никаким боком не выходит сделать хоть собственником, хоть эксплуататором государство само по себе. Если же не само по себе, то тогда собственниками или эксплуататорами становятся люди, которые им управляют.

Неужели Тарасов этого не понимает? Зачем ему выдавать за содержание собственности юридическую форму? Зачем сваливать в одну кучу с понятием частной собственности иные виды собственности? Ответ на эти вопросы в его революционных построениях. Это понадобилось, чтобы обосновать, что собственником может быть государство само по себе, а значит в Советском Союзе не было эксплуатации человека человеком, не было условий для культивирования частных интересов (почему же тогда номенклатура стремилась и в конце концов перевела средства производства в персональную собственность?). Тогда можно постулировать необходимость нового «суперэтатизма» и суперэтатистской революции. Это именно то, о чем я говорил — если концепция суперэтатизма верна, то для социального освобождения, для перехода к социализму, необходимо сначала возродить суперэтатизм, просто учтя ошибки советского руководства. Если же концепция не верна, такое утверждение становится спорным, и ниже еще будет разобран вопрос его состоятельности.

Тарасов говорит следующее.

> «В конце концов, эксплуатация — это присвоение прибавочного продукта. В индустриальном обществе, при индустриальном способе производства, невозможно развитие без производства прибавочного продукта. Следовательно, производство прибавочного продукта неизбежно и общественно полезно. А до той поры, пока существуют товарно-денежные отношения, при индустриальном способе производства бессмысленно пытаться просто передать прибавочный продукт в руки самого производителя: это приведет, во-первых, к разрыву хозяйственных связей и краху экономики, а во-вторых, к

> простому “проеданию” прибавочного продукта. Это ясно показали и опыт “рабочего самоуправления” в 1917–1918 годах (от которого большевикам пришлось отказаться под угрозой тотального хозяйственного краха), и неудачи с коллективной собственностью и самоуправлением в Югославии и на Кубе, и, наконец, опыт “хозяйственной самостоятельности трудовых коллективов” в период “перестройки”».

Это верно. Но он думает, опять же, что если прибавочный продукт будет в руках правильных людей — революционеров — то это гарантирует, что он не будет проеден или распределен в пользу узкой кучки паразитов. Это идеализм. Нигде такой подход не привел к успеху. Необходимо то, что будет физически препятствовать расхищению продукта людьми. И это не могут быть сами люди. Кто ограничит ограничителей? Представительная демократия, которую Тарасов ругает в иных своих работах?

Тарасов говорит, что если мы будем исходить из того, что в суперэтатистском обществе нет эксплуатации человека человеком, а есть эксплуатация человека государством, то сам испуг от сохранения феномена эксплуатации, может быть, будет не таким большим. С чего бы это? Если уж на то пошло, какая мне разница, кто заставляет меня пахать по восемь часов в день за зарплату — человек или государство — если меня этот график выжимает. С того, что так все пашут при суперэтатизме? Но ведь это не так. Генсек или даже министр пашут не так интенсивно и не в тех условиях, что сталелитейщик или инженер. Или с того, что это работа на светлое будущее? Так это я и при капитализме могу слушать от либералов — работай больше и все у тебя будет. Ссылка Тарасова на норму эксплуатации в советский и постсоветский период, с намеком, что ее было в СССР меньше, смешна. У меня нет свидетельств такого. Общение с представителями старших поколений, а также разнообразные статистики и литература этого не подтверждает. В СССР было больше определенности, гарантированная полная занятость, но это не делало объем работ меньше или ее менее интенсивной.

В общем подход Тарасова — максимально размыть понятия, чтобы стало возможным загнать свою концепцию в эти рамки и объявить ее состоятельной. Но как мы уже видели, даже это не сработало. Если утверждения не соответствуют реальному положению вещей, то никакие выкрутасы с изменением категориального аппарата не сделают концепцию состоятельной. К чему же приводит отказ от «схоластического нанизывания марксистских штампов» и «попытки охватить все на свете», мы уже видели выше. Его концепция не способна объяснить устройство общества и его развитие лучше,

чем это делает марксизм, применяющий классический понятийный аппарат.
Тут, впрочем, возникает вопрос, почему все-таки для перехода к социализму по Тарасову необходим суперэтатизм? Тарасов указывает, что от общества с государственной собственностью перейти легче к обществу с общественной собственностью, потому что общества с частной собственностью порождают частный интерес и провоцируют реакцию. А государственная собственность реакцию не провоцирует. Но в СССР, каким-то образом, она породила стремление перевести ее в частную.
Тарасов указывает, что общества перешли к частной собственности от государственной, а к государственной от общественной, которая имела место в первобытные времена. И делает вывод, что переход обратно к общественной возможен только посредством государственной собственности. Логика понятна, но верна ли? Действительно ли вся фишка в том, что процесс просто прямо обратим на новом уровне развития производительных сих? Пример того же СССР, а также Китая и других похожих государств пока демонстрирует что процесс этот односторонний. Всякий раз, как где-то реставрируется государственная собственность, возникает стремление перевести ее обратно в частную, которое в конце концов торжествует.
Это говорит о том, что в истории действуют какие-то иные механизмы перехода видов собственности. На новом уровне развития производительных сил переход к обществу с общественной собственностью невозможен путем возврата к старой формации, необходим новый путь и иной механизм. Необходимы условия, которые не позволят реализовывать корыстный интерес. Объективные условия. Физически не позволят. Этого нельзя добиться простой корректировкой права. Так как те, кто заинтересован в ином, и имеют при этом власть, будут ею пользоваться для реализации этого интереса. Препятствовать этому механизмами прихода во власть, совершенно неэффективно. Нужен иной фактор. Такой, который сделает средства производства, а с ними и продукты, независящими от человеческой воли, скованной пороками, порождаемыми потребностями. Но мы зашли далеко вперед.
Да и даже если рассматривать переход от первобытного общества к классовому, то здесь, на самом деле, все обстоит не так, как утверждает Тарасов. Переход от первобытного общества с общественной собственностью к палеополитаризму — который часто называют азиатским способом производства — был переходом от общественной собственности к общеклассовой частной собственности через групповую частную собственность, имеющую место в предклассовом обществе. При возникновении рабовладельческого способа производства происходил переход также от предклассового общества, заимствующего достижения общества палеополитарного с общеклассовой

частной собственностью, к обществу с персональной частной собственностью. Таким образом он осуществлялся на основе уже имеющих место отношений частной собственности, еще не обретшей форму института — имеющего атавизмы даровой экономики. При возникновении феодализма переход опять же происходил от предклассового общества, заимствующего достижения рабовладельческого с персональной частной собственностью, к обществу с таким же типом частной собственности, но расщепленном, многоуровневым. Таким образом, возникновение всех основных способов производства, за исключением капитализма, происходило от предклассового общества, в котором имела место персональная и групповая частная собственность, т.е. на базе уже имеющихся практик, в которых проявлялась частная собственность, в том виде, в каком ее существование признается всеми специалистами. Касается это, как уже было подчеркнуто, и перехода к общеклассовой частной собственности, имеющей форму государственной, которая имела место в палеополитарных обществах. То есть, даже если отвлечься от понятия общеклассовой частной собственности и говорить просто о государственной, не воспринимая ее вообще как частную, все равно выходит, что Тарасов не прав, и переход к частной собственности происходил через государственную, но только после того, как произошел переход к государственной от частной же. Почему Тарасов и здесь ошибся, после всего, что мы узнали, понять не сложно. Так как он считает, что юридические отношения собственности порождают экономические, а не наоборот, то он и не увидел перехода к государственной собственности от частной. Поскольку юридических отношений собственности в предклассовом обществе действительно не было. А по представлениям Тарасова, без юридических отношений собственности, не могло быть и экономических. В реальности же все наоборот — экономические отношения собственности порождают юридические, как закрепление в праве реальных отношений распределения и обмена. Причем они могут в нем выступать в превратной форме, например, как относящиеся к социальным институтам, вроде государства, а не к реальным людям. До возникновения государства были только экономические отношения собственности. В предклассовом обществе производительные силы были уже достаточно развиты для производства такого количества прибавочного продукта, чтобы возникла эксплуатация, т.е. отношения частной собственности в классическом марксистском смысле, но эта собственность еще не была закреплена в юридическом праве, и все же это были отношения эксплуатации, экономические отношения собственности. Могут, конечно, возразить, что в предклассовом обществе были нормативные отношения собственности, которые играли роль юридических. Однако это ничего не изменит, поскольку все равно не они порождали экономические

отношения. И предположение о том, что Тарасов из них выводит отношения распределения и обмена, опять же, не меняет ситуации. И тут имеет смысл отметить еще один момент.

Тарасов отмечает, что коммунизм, это постъэкономическая формация. Это он отмечает в статье «Суперэтатизм и социализм» и в статье, являющейся ответом Роману Тисе. Между тем, это опять же свидетельствует о его непонимании экономической теории. Сказать, что коммунизм, это постъэкономическая формация, равносильно тому, что признать отсутствие при коммунизме производства. А это значит, что человечество либо вернулось к своему животному состоянию, либо вымерло. Наличие производства, есть наличие экономики. И не важно какая имеет место форма собственности — частная, государственная, даже если мы ее считаем отдельной от частной, или общественная. Воззрения Тарасова в этом вопросе не являются чем-то уникальным. Конечно, некоторые авторы понимали под экономикой сугубо науку о наиболее экономном распределении средств, т.е сугубо капиталистическую экономику. Однако в этом случае придется отвергнуть взгляд, согласно которому именно экономическая деятельность, как деятельность по производству благ, является основой общества. То есть, отказаться, в том числе, от марксизма. Многие также считают, и сам Тарасов, вероятно, тоже, что в эпоху до возникновения классового общества, человеческое общество было доэкономическим. Однако в первобытном обществе также имело место производство, люди производили продукты и изготавливали орудия. И именно развитие этой деятельности, в конце концов, и привело к классовому обществу, когда производительные силы развились достаточно. Здесь нет возможности уделять внимание этому вопросу, заметка и так вышла огромной, поэтому я просто отсылаю заинтересованных к работам Юрия Семенова, где представлено широкое обоснование этих утверждений.

Таким образом, оказывается, что едва ли не во всех своих положениях, концепция Тарасова ошибочна. Выделенные им характеристики способов производства не соответствуют историческим реалиям. Его концепция парности строев при одних и тех же способах производства, также не отражает реального положения вещей, не способна объяснить исторические реалии. Его описание строя Советского Союза, также не соответствует реальности. К тому же, концепция его порывает с марксистскими представлениями, при том, что выдается им за марксистскую. Короче говоря, за что не попробуй взяться, везде рука проходит сквозь воздух.

Тарасов любит говорить, что революционность следует искать в провинции, так как жители крупных городов слишком хорошо живут. Что ж, имеет смысл посмотреть, насколько представления о революционности провинции

соответствуют действительности.

Вопрос революционности провинции

Для начала можно обратиться к статье Ивана Лещинского «Новые люди». В которой он описывает свой личный опыт общения с людьми в одном современном провинциальном городе. И по ней оказывается, что никаких революционных настроений там нет, что люди озабочены только заработком и потреблением — их интересы сугубо мещанские. Такие, какие очень не нравятся Тарасову.

Конечно, могут вполне обоснованно возразить, что это всего лишь личный опыт, неизбежно узкий и не могущей быть индикатором столь обширного явления как российская провинция.

В качестве свидетельств обратного могут также привести данные опроса, проведенного ВЦИОМ относительно революционных настроений. По ним выходит, что готовность поддержать такие настроения выказали немало людей, а именно, они заявили, что готовы были бы встать на сторону большевиков во время революции 1917 года. Однако, во-первых, то что люди заявили будто готовы были бы поддержать большевиков, не говорит о том, что они понимают, о чем вообще говорят — они судят с высоты своих знаний истории и нет оснований считать, что адекватно экстраполируют свои настроения на тогдашнюю ситуацию. Во-вторых, опрос этот имеет определенную выборку. В нем неизбежно участвуют люди определенных взглядов, не брезгующих участвовать в таких опросах. А потому результаты неизбежно оказываются тенденциозны. Таким образом, в качестве возражения на приведенные выше свидетельства, результаты таких опросов принять нельзя.

Могут также возразить, что все приведенные выше возражения не говорят о нераспространенности революционных настроений, а свидетельства обратного тоже тенденциозно подобраны, и в провинции, на самом деле, есть люди, тяготеющие к революционным настроениям. До определенной степени, это будет верно. Но лишь до определенной. Во-первых, конечно, там действительно есть сторонники революционного подхода, но они там есть точно также, как есть они и в крупных городах. Это не аргумент в пользу большей революционности провинции. Во-вторых, если мы попытаемся ответить на вопрос, какие же настроения в массе преобладают в провинции, то мы обнаружим, что эти интересы, завязаны на выживании — заработке, на семье, на личном благополучии. В общем, обыкновенное мещанство. То самое, которого полно и в крупных городах. Которое так ненавидит Тарасов. Провинция выделяется только тем, что там выше бедность, меньше удовлетворенности, но это не ведет к осознанию необходимости кардинального

переустройства общества, тем более революционным путем. Это ведет к желанию улучшений жизни, вот и все.

Могут обратить внимание на примеры некоторых рабочих активистов, которые организовывали борьбу, забастовки, и которых притесняли власти. Но тут возникают два вопроса. Первый — почему и за что бьются эти активисты? Потому что их не устраивают условия труда, низкая зарплата, не позволяющая достойно содержать семью. Они хотят достойного заработка, достойных условий. А вовсе не смены общественного строя. Второй — является ли такая деятельность обычной для рабочих. Нет, обычно терпят, сколько возможно. Восстания редки. Таким образом никаких данных о революционности провинции эти примеры не несут.

Могут обратить внимание на протесты дальнобойщиков, которые гремели в некоторых регионах. Однако и здесь мы видим, что вызваны они были простой необеспеченностью, попыткой власть имущих содрать с них еще больше денег, а не желанием революции. Как и указывал когда-то Ленин, мышление рабочих само по себе не может подняться выше тред-юнионизма — выше требований достойной оплаты труда и социальных гарантий. Тарасов это понимает. Он сам об этом пишет. Но считает, что провинция именно ввиду большей обделенности благами с радостью воспримет те революционные идеи — в частности идеи не просто достойной оплаты труда, а ликвидации наемного труда как такового — которые он будет в нее привносить. Однако, что-то никакого результата привнесения не наблюдается.

О том, насколько адекватно он понимает провинцию и тамошних сторонников революции наглядно показывает пара свидетельств из этой провинции.

Вот что, например, говорит Долоев в комментариях на своей странице ЖЖ.

> «На самом деле, все довольно грустно. У нас и впрямь есть в загашнике авторы, способные на написание интереснейших лонгридов с привлечением зарубежных источников — но это реально большие затраты человеко-часов, которые можно потратить на фриланс за копейки. Меня заботы о хлебе насущном угнетают не так жестоко, но за это приходится платить тем, что сил на интеллектуальную работу остается крайне мало. Тарасов, похоже, весьма сыто живет и на сегодня совершенно не представляет ситуацию провинциальных левых — оторвался от земли, а ведь раньше толковые вещи писал про социальную ситуацию по Россию».

Ему вторит некий Ярослав Румата, он говорит следующее.

> «И нам, из провинции, видно очень хорошо оторванность т.н левых в РФ из Москвы и Ленинграда. от наших чаяний и забот».

Тут, конечно, могут заметить, что речь может идти о тех, кого критикует Тарасов. Но учитывая, что комментатор не критикует Долоева и не защищает Тарасова, видно, что он ставит последнего на одну полку с теми, против кого тот обрушивается.
Несложно заметить, что люди из провинции Тарасова воспринимают также как и тех псевдолевых, которых он критикует — как обычного говоруна, оторванного от проблем простых людей, чьи представления и интересы не имеют ничего общего с желаниями представителей провинции.
Впрочем порой Тарасов, вопреки своим же словам, может заявить, что и в провинции люди нереволюционны. Например его сторонник Роман Водченко говорит, что российский обыватель самый счастливый, поскольку имеет подспорье от советского наследия в виде квартир и льгот. А это препятствует революционности. Настоящую же революционность они видят в странах «третьего мира». Что ж, имеет смысл взглянуть, насколько сильны там на самом деле революционные настроения.

Вопрос революционности капиталистической периферии

Жители Бразилии, например, после того, как за счет развития социальных гарантий значительно улучшили условия своей жизни, ориентировались на, собственно, улучшение жизни, а не на построение иного общества. Ориентировались на потребление. А среди рабочих стали распространяться настроения культа индивидуального успеха. В Китае люди также ориентированы на потребление, их заботит смена моделей смартфона, тусовки по клубам, а вовсе не организация революции. Многие из тех, кто погружен в наибольшую нищету хотели бы другой участи, но она опять же состоит в достойной жизни, без голода, переработок и отсутствия удобств. При этом класть свою жизнь на алтарь революции, они не спешат. Таких как Тарасов они воспринимают, как болтунов, которые ничего не делают для улучшения их жизни, а только зовут их всех на борьбу с врагом, который намного сильнее, и соответственно, эти люди видят что перспектива лишиться всего неимоверно выше, чем перспектива улучшения жизни в результате успеха. Да и наблюдали они уже «успехи». Смена власти происходила, в том числе и под социалистическими лозунгами. А итог всегда один — тот, кто оказывается у власти в итоге начинает угнетать народ также же, как это делал тот, кого свергли. Все обещания социальных улучшений так и остаются обещаниями.
Как видим их настроения совсем не такие, какие хотелось бы Тарасову.

Разумеется могут возразить, что все эти данные тенденциозно подобраны. И на самом деле во многих странах «третьего мира» революционные настроения очень сильны. Что ж, тем ценнее посмотреть, на итоги некоторых революций.

Итоги революций

И что же мы увидим, если взглянем на результаты революционных движений, которые бушевали весь прошлый век и начало этого?

Революция в России 1917 года задав вектор прогрессивного развития во всех областях, от промышленности и науки до быта, уже через десять лет выродилась, все было направлено на упрочнение власти правящей верхушки, развернуты репрессии, в дальнейшем запал прогрессивных начинаний стал выдыхаться и к 80-м гг. фактически иссяк. Завершилось же все реставрацией капитализма в варианте зависимого развития, превратив страну в сырьевой придаток Запада.

Аналогична была судьба и китайской революции. Только там перерождение произвели, по факту, те же люди, что и начали революцию. Завершилось же все тем же капитализмом, в том же зависимом варианте. При этом сохранились некоторые атавизмы прежнего строя, но никакой «ячейки сопротивления мировому капитализму» не вышло. Нечто подобное произошло и в Лаосе. А также Камбодже. В Мозамбике. В Эфиопии.

Революция на Кубе привела к прогрессу в многих сферах жизни. Но ни о какой «ячейке сопротивления» говорить не приходится. Под давлением «первого мира», ее население оказывается малообеспечено даже едой и медикаментами. Ее экономика пребывает в стагнации. И никакого развертывания «мировой суперэтатистской революции» оттуда нет и не предвидится.

Революция во Вьетнаме, также задав прогрессивное развитие в области производства и грамотности населения, в дальнейшем после долгого насилия в противостоянии с «первым миром» из которого это государство вышло формальным победителем, в итоге пришло к введению тех же начал рыночной экономики. Никакого великого процветания или, опять же, «ячейки сопротивления» нет.

Революция в Никарагуа тоже привела к развитию производства, улучшению условий жизни, распространению грамотности, улучшению доступа к медицине, но в итоге будучи задавленная гегемоном «первого мира», так и не смогла продолжить это развитие, и в итоге сейчас Никарагуа является одним из беднейших государств. Похожая судьба постигла и революцию в Алжире. Также в Гвинеи-Бисау. В Мьянме.

Последние примеры наглядно показывают, кстати, что молчаливое допущение Тарасова, что государства «первого мира» будут тихо смотреть на революции в

странах «третьего мира» и их отрезание от тамошних ресурсов, а потому-де противостояния между странами мировая революция не обеспечит, не имеет отношения к действительности. Государства «первого мира» не брезгуют использовать силу даже против просто нелояльных правительств и стран, не говоря уже о революционных.
Возражения Тарасова о том, что не нужно смешивать вопрос проведения революции и предотвращения перерождения уже были рассмотрены выше. Повторять не буду.

Лицемерие полемической методики

Пожалуй наиболее известен Тарасов своей критикой людей, причисляющих себя к левым. Если говорить о том, что многие из них заняты откровенно коммерческой деятельностью, при уверенной левой и даже революционной риторике, то тут критика Тарасова и его последователей, как по мне, совершенно справедлива. По крайней мере она имеет основание. Когда он критикует их за отстаивание откровенно буржуазных идей, за восхваление институтов, которые являются опосредованными институтами угнетения (например гражданское общество), то также с этим трудно не согласится.
Тарасов любит порицать различных псевдолевых тем, что они не занимаются никакой по-настоящему революционной деятельностью, а только пишут статьи, получая за это гонорары в буржуазных изданиях, разъезжают по конференциям с фуршетами и тусуются по кафешкам и прочим заведениям. Между тем весь постсоветский период Тарасов занимался главным образом написанием статей. Их он не брезговал публиковать в буржуазных изданиях и получать за это гонорар. Не брезговал он и давать интервью таким вот изданиям, также за гонорары. Когда ему указали на это, он заявил, что если кто-то из буржуазных деятелей настолько глуп или тайно симпатизирует левым, чтобы давать им возможность у себя высказываться, грех этим не воспользоваться. Логично. Вот только почему же тогда, ту же самую деятельность других левых он ставит им в вину? Еще он ходит по кафешкам, где встречается с иностранными репортерами. Этого он не скрывает, например признаваясь в ответах журналу «Финиковый компот», говоря следующее.

> «То же и с законом о запрете курения. Формально он вступил в действие — но я вот на днях зашел в кафе «Башня» на Шаболовке, чтобы побеседовать с коллегой из Италии, и мы там попали в прокуренное насквозь помещение с запахом, как в тюремной камере. Естественно, мы сразу ушли».

А еще разъезжает по конференциям. Например один из своих докладов он прочитал на международной конференции в итальянском городе Моделе. А также по иностранным форумам. Например, порицая одну деятельницу за то, что она участвует в Европейских социальных форумах, он говорит, что сам был на одном из этих форумов с ней «Вспомните, мы оба были на ЕСФ в Афинах». Вот собственно и вся его «революционная» деятельность в постсоветский период. Так чем же он отличается от тех псевдолевых, которых критикует? Только тем, что он их критикует и не поддерживает те их взгляды, которые являются буржуазными. Последние, собственно и отличает его как левого от псевдолевых. Но вот в отношении действий он ничем от них не отличается. Могут возразить, что в отличии от псевдолевых он не участвует в буржуазных институтах. Он действительно не является каким-нибудь преподавателем в гуманитарном институте, вынужденным пичкать студентов программами установленными правящим классом, как многие его оппоненты. Однако работает он отнюдь не на нейтральном производстве или в области естественных наук, которые вне идеологии. Он уже давно является сотрудником, а с некоторых пор и руководителем Центра новой социологии и изучения практической политики «Феникс». Что это за центр такой выяснить не удалось, поскольку в Сети о нем вообще нет никакой информации, он упоминается лишь в связи с именем Тарасова. Тем не менее, с учетом того, что в интервью различных изданий и передачах его представляют именно как директора этого центра, можно достаточно уверенно говорить, что этот центр существует. Но если он существует, и этого никто не скрывает, и не скрывает причастность Тарасова к нему, значит он существует легально. Его никто не закрывает и его сотрудников не пытается притеснять. А Тарасов сам очень любит говорить, что если кого-то не притесняют, то значит он для системы не опасен. К тому же, Тарасов в одной из статей сам сказал, что к независимой исследовательской работе в области социологии в России это тоже относится. Таким образом он мало чем отличается от тех левых и псевдолевых, что участвуют в буржуазных институтах.

Еще он любит ставить им в вину то, что они, мол, прозрачны для спецслужб, что не допустимо при противодействии власти. Это опять же логично. Но при этом, если кто-то публикуется под псевдонимом, он обвиняет его в «трусости». При этом совершенно не понятно, а как «смелость» его и его последователей, которые не только публикуются на сайте «Сен-Жюст» и в различных изданиях под реальными именами, да еще и совсем уж непонятно зачем ставят свои фотографии, помогает делу революции? Он заявляет, что нужно смело показывать себя перед лицом машины угнетения — открыто выступать против капитализма. Чем для него самого закончилось такое поведение — когда его

еще в советские времена сцапало КГБ, и как ему пришлось скрывать свою позицию, чтобы выбраться из спецпсихбольницы — разыграть сломленного сумасшедшего — он видимо забыл. Вряд ли то, что он в итоге потерял здоровье как-то помогло делу революции. Он порицает иных левых и псевдолевых, за деятельность в соцсетях «полезную только спецслужбам». А в качестве альтернативы предлагает выходить на прямую связь с коллективом «Сен-Жюста» через электронную почту. Он что считает, что почта — да еще и на домене Яндекса — непрозрачна для спецслужб? И если непрозрачность все-таки так важна, почему он сам и его последователи не соблюдают конспирацию? Непоследовательность — их характерная черта.

В «трусости» он обвинял и Юрия Семенова, за то, что тот ничего не публиковал против советской власти в советские времена. Я напомню — раз уж Тарасов забыл — что он в советские времена тоже ничего не публиковал против власти. Не считать же публикациями сделанные в тихую надписи на стенах. Он, опять же напомню, ведя свою деятельность, тогда соблюдал конспирацию. Но из-за неосторожной пропаганды все-таки попался КГБ. Так что же Семеному тоже нужно было сдать себя гебистам? Ведь по-другому публикацию антисоветского характера в те времена и невозможно назвать. Ну и сцапали бы Семенова, как сцапали Тарасова. И возможно сгинул бы он вовсе, как едва не сгинул Тарасов, причем, напомню, спасло его именно то, что он перестал открыто выступать против власти — скрыл свое отношение к ней — разыграв умалишенного. Какая в этом была бы польза? Чем это помогло бы угнетенным, чем это помогло бы революции? Вероятно тем, что тогда Юрий Иванович, уже в постсоветские времена, не опубликовал бы своей обстоятельной концепции политаризма, которая не нравится Тарасову, не сделал бы иных публикаций, продвинувших общественные науки вперед, и не показал бы несостоятельности тарасовской концепции суперэтатизма. Такие сожаления Тарасову стоит оставлять при себе — прошлого не изменишь — Семенов оказался умнее. Да, ум оказался эффективнее «смелости».

Кстати, на критику Семенова в отношении его концепции суперэтатизма и его аргументов против концепции политаризма, Тарасов ничего содержательного ответить так и не смог. Но и ошибок своих не признал. Только жаловался журналу «Финиковый компот», что ему поставили слишком жесткие условия и по времени и по объему для статьи, и он сам ей был не очень доволен. Семенова он опять обвинил в непонимании марксизма и следовании советской «марксистско-ленинской» догматике, но ничем своих слов подтвердить не удосужился. Он заявил, что сразу стал писать опровержение Семенова, но его, якобы, нельзя сделать не разоблачив вообще всех произведений Юрия Ивановича. А поскольку их много и они объемные, быстро этого не сделаешь.

Да, и незачем это делать, ведь никто опровержение Семенова, якобы, не издаст. И вообще ему не до этого. Тут сразу несколько вопросов. Если это так важно, зачем было ограничиваться рамками того, что тебе указал журнал, где ты намеревался публиковаться? Что помешало написать более полную и конструктивную статью и выложит ее на своем сайте, он ведь у Тарасова был уже восемь лет. Поневоле закрадывается подозрение, что все дело в том, что за такую публикацию никто этому «самоотверженному борцу с капитализмом» не заплатит гонорар. А без гонорара борец с капитализмом не борец. Еще вопрос, зачем разоблачать сразу все? Строго говоря, для того, чтобы показать несостоятельность концепции Семенова, вообще не нужно было писать, собственно, критики. Достаточно было бы опубликовать обстоятельную аргументацию с обоснованием своей концепции — концепции суперэтатизма — как Тарасов и обещал еще в 1996 году в статье «Суперэтатизм и социализм». За более чем двадцать лет своей последующей деятельности он так и не удосужился это сделать. Ведь если его концепция оказалась бы состоятельной, это автоматически опровергло бы концепцию Семенова. Однако сделано это не было. Насчет того, насколько его взгляды соответствуют марксистским уже было сказано. Пусть его фанаты сами судят, кто все-таки порывает с марксизмом Семенов или Тарасов. О несоответствии фактам также уже было сказано достаточно.

Аналогична ситуация с его обвинениями в адрес Ильенкова и Лифшица. Они не пошли в открытую против системы. И приумножали знания там, где было возможно. А вот если бы пошли — разделили бы судьбу Тарасова, только вероятно с менее благополучным исходом. Чем это принесло бы больше пользы делу социального освобождения, или делу именно революции? Ничем. Отсутствие результата не приумножает результата. Приумножение же знания, приумножает знание. Даже в областях не связанных с социальным освобождением все равно приумножает. А Ильенков и Лифшиц его приумножили, что признает и сам Тарасов. И это все равно результат. А провальное действие в революционной деятельности приумножает только осознание очевидности неэффективности такого действия. Конечно, если человек способен осознавать, а не упирается в догматизм. И не нужно возражать, что такой провал, якобы, показывает неэффективность определенных конкретных методов в рамках революционного подхода. И учит их избегать и искать новые. Во-первых, такое утверждение можно понять, если новые варианты действий действительно предлагаются. Тарасов с товарищами ничего подобного не разработал — во всяком случае не продемонстрировал. Во-вторых, когда такие варианты схожи один с другим и постоянно приводят к одному и тому же результату — его отсутствию — это говорит о том, что сам

подход провальный. И менять нужно его на что-то иное.
Самое интересное, что Тарасов понимает сугубо просветительский характер своей деятельности. В одном из своих интервью он говорит, что его цель разрешить некоторые теоретические вопросы и передать знания следующим поколениям. Так к чему осуждение иных левых за сугубо просветительскую деятельность, яростные требования революционности и выставление себя в спорах как непримиримого революционера? Очередной акт не то непоследовательности, не то лицемерия.
Тарасов очень любит ругать своих оппонентов за то, что те позволяют себе критиковать революционеров. Они, якобы, не имеют на это никакого права, поскольку сами ни одной революции не совершили. С тем же успехом, во-первых, можно было бы начать порицать самого Тарасова — по какому праву он хвалит тех же большевиков, ведь он сам так и не смог осуществить никакой успешной революции (успешным он считает сам по себе захват власти)? Или что получается, для того чтобы хвалить никаких достижений в определенной области делать не нужно, а вот чтобы критиковать — «сперва добейся сам»? Какие-то очень интересные двойные стандарты. По такой логике, Тарасов не имеет никакого права критиковать тех псевдолевых, кто занят коммерческой деятельностью, поскольку у него самого в этой деятельности нет никаких достижений. Он мог бы заявить, мол, это низкая деятельность и для критики не требует достижений — достижения в ней, это презренный факт. Допустим. Но с чего это революция должна превращаться в эдакую священную корову, что ее нельзя критиковать? Потому что ее цель — счастье для всех? Но ведь и у других методов социального освобождения цель такая же. Тот же реформизм утверждает, что при его грамотном применении, он обеспечит всеми благами всех и каждого. Если поводом для иммунитета от критики является лишь декларируемая цель, то критиковать его Тарасов не имеет никакого права. Может быть он захочет заявить, что реформизм лишь обещает освобождение, а революция может его реально обеспечить? Так это нужно еще доказать. Пока что нигде революции так и не привели к социальному освобождению.
Тарасов, кстати, и сам не прочь покритиковать тех же большевиков, за то что те недостаточно жестко продвигали ценности революции, не боролись с религией, узаконили брак, согласились с западным патентным правом и т.д. Но ведь сам Тарасов не совершил даже того, чего добились большевики. Как он, по его же логике, может их критиковать? Если кто-то видит недостатки в определенной позиции, если кто-то видит недостатки в определенной аргументации, то не может быть никаким обоснованием затыкать ему рот отсутствие у него достижений на данном поприще. На момент создания теории относительности Эйнштейн был никем по сравнению с Ньютоном. Так что он не смел предлагать

теорию лучше объясняющую движение, чем теория Исаака? Вряд ли сам Тарасов согласится с таким утверждением.

Да и вообще, Тарасов постоянно говорит о необходимости разработки новой революционной теории. Но ведь это предполагает критику. И он сам, как было показано, ей занимается. Но иным в таком праве отказывает. При этом настаивает, что им стоит заниматься именно разработкой революционной теории. Нельзя сказать, что Тарасов никаких противоречий в своей аргументации не замечает. Явно видя их, он делает оговорку, что критиковать могут те, кто или совершил успешные революции, или те, чьи методы еще не опробованы. При этом он считает, что его метод мировой распределенной герильи как раз таковой, неопробованный. В какой мере он опробован, и каковы результаты уже было сказано выше. И было сказано, почему он так и не развернулся в мировую распределенную сеть. Потому попытки Тарасова спрятаться за данную оговорку нельзя признать удачными.

Кроме всего этого, критикуя людей, он не брезгует откровенной софистикой.

Он очень любит делать акцент в своей критике на тех или иных поступках тех, с кем не согласен, а также на их личных качествах. Этот прием, известный как аргумент ad hominem, который переводится как апелляция к личности или атака личности, состоит в том, чтобы показать несостоятельность отстаиваемой позиции оппонентом и его аргументов, путем опорочения его личности — его качеств, иногда выставляя их за недостойные, иногда через описание тех или иных поступков. Как верно замечает один из его оппонентов Юрий Семенов «Как правило, это говорит о слабости позиции критика, об отсутствии у него аргументов по существу».

Разумеется Тарасову неоднократно указывали на это, на что он однажды сподобился ответить. В своей критике известной деятельницы, причисляющей себя к левым, он заявил следующее.

> «Вы закричите в ответ: это всё — аргументы ad hominem! Во-первых, не только, а во-вторых, вся политика есть огромный аргумент ad hominem. Поскольку политика — это не изучение ядра атома или глубин космоса, это воплощение в социальной практике, на общественно-исторической сцене конкретных экономических (имущественных, в частности) противоречий между живыми людьми».

Такое утверждение можно было бы принять в тех случаях, когда речь идет о рекомендациях к определенным действиям. Но в том-то и дело, что Тарасов его использует в том числе и в тех случаях, когда речь идет о чисто теоретических

вопросах, например в вопросах устройства общества, в вопросах категориального аппарата для описания этого общества, то есть в тех вопросах, в отношении которых личные качества человека и его поступки не могут быть сами по себе аргументами против отстаиваемой им позиции. Если Чекатилла скажет, что дважды два четыре, то такое утверждение не будет неправильным на том основании, что его произнес человек, запятнавший себя деятельностью маньяка. А вот если Чекатилла начнет поучать других людей, что убивать порочно, и те, кто так делают недостойны называться людьми, да еще и без всякого раскаяния со своей стороны, то тогда это будет с его стороны лицемерием, и указание на его качества и поступки будет уместным. Ну или если кто-то занятый лишь просвещением, станет упрекать других занятых просвещением, за то, что они только им и занимаются, а нужно вести революционную деятельность, при этом сам такой деятельности вести не будет. Аргумент ad hominem, это логическая ошибка, и если вся политика «есть огромный аргумент ad hominem», значит вся политика есть огромная логическая ошибка, и Тарасов потратил свою жизнь на то, чтобы сознательно совершать ошибку. С чем я его и поздравляю.

Тарасов очень любит использовать аргумент, что если чего-то в истории не было, значит это невозможно. Например, он заявляет, что истории не известен ни один случай, чтобы научные конференции породили социальную революцию. Что тут скажешь, это правда. Такая же правда, как и то, что истории также не известен ни один случай, чтобы социальные революции привели к социальному освобождению. Кроме того, когда Тарасову указывают, что его метод не работает, он заявляет, что если в прошлом революционеры допускали ошибки, это не значит, что они их будут допускать всегда — они могут учится на ошибках. То есть, революционеры, почитаемые Тарасовым, на ошибках учится могут, а вот те, с кем Тарасов не согласен, нет. Очередной логический тупик, следствие которого уже было показано выше.

Конечно же Тарасов любит передергивать и даже перевирать то, что говорят его оппоненты. Например вот как он передал один из аргументов одного своего критика

> «Мне троцкистский догматик Васильев уже пытался объяснить, что “антиглобализм” хорош потому, что лично ему, Васильеву, понравилось ездить на разные “антиглобалистские” мероприятия».

Сравните это с тем, что действительно сказал его критик.

> «Социальные форумы дали российским активистам невиданные ранее

> возможности живого общения, возможности своим глазами увидеть спектр мировой левой — от реформистской до радикальной составляющей, а также возможности понять методы работы институтов империализма с левым и протестным движением. К слову сказать, именно на социальных форумах активисты из СНГ увидели и представителей латиноамериканской герильи и узнали, что субкоманданте Маркос вполне вписался в “альтерглобализм”, несмотря на годы партизанской войны на юге Мексики».

Обратите внимание, что Тарасов предпочел не заметить слова о представителях герильи и руководителе. Это при том, что самому его критику он ставит в вину то, что тот тезисы его статьи о революции излагает выборочно, — то что он не заметил, не захотел заметить или не понял, он предпочел не упомянуть. Остается гадать, как он мог упомянуть то, что не заметил, но ладно.

Еще одним приемом Тарасова является заваливание оппонента аргументами попросту не относящимися к делу. Например, он провернул его, отвечая на критику Сергея Соловьева. Тот указал, что втягивание противника во множество мелких конфликтов, чтобы он надорвался, подобная той, которую предлагал Че Гевара, кою использовали США против СССР, и которую Тарасов и видит главной составляющей успешной мировой революции, — обычная тактика борьбы империй против сильных противников, практикуемая еще с древних времен. На это Тарасов разразился неуместно объемной тирадой о том, что, якобы, та борьба была совсем другой, протекала не так, как предлагал Че Гевара, пытаясь подтвердить это множеством исторических примеров, приведенных весьма подробно. Все это нагромождение текста совершенно не уместно по двум причинам. Во-первых, те различия, которые имели место между древними методами империй и тем, что предлагал Че Гевара, и было реализовано США против Советского Союза, это частности. А основа у них сходна. Суть одинакова. То есть возражение Соловьева было вполне уместным. Во-вторых, если уж на то пошло, никакой необходимости в пространных исторических примерах, где на высосанных из пальца различиях доказывается концептуальное различие, не было, поскольку о том, что именно озвученная Че Геварой тактика была использована США прямо говорил сам Бжезинский. Достаточно было озвучить это. И Тарасов, кстати, в изначальной статье это озвучивает. Но в ответе на критику Тарасов решил завалить оппонента громадой текста, создавая иллюзию большей обстоятельности его аргументации. Методика понятна, не буду скрывать — сам ее когда-то использовал в спорах с критиками. Но это не делает ни ему чести, ни предлагаемый им метод более правильным.

Когда Тарасову указывают на то, что революционный подход так нигде и не привел к желаемому результату, что революционность жителей стран «третьего мира» так и не принесла социального освобождения, он прибегает к еще одному излюбленному аргументу, являющемуся логической ошибкой. Но на этот раз не апелляцией к личности, а соломенному чучелу. Когда одна деятельница высказала сомнение относительно перспективности борьбы и эффективности революционных движений в странах «третьего мира», Тарасов по существу ничего ответить ей не смог и просто обвинил ее в расизме. Когда самому Тарасову указали, что его рассуждения о языках метрополии именно что расистские, ему ответить было нечего, и он просто заявил, что его не поняли, после чего разразился тирадой о том, что иные языки более развитые, чем английский.

Когда речь заходит о бедствиях в странах «первого мира», Тарасов говорит, что «так им и надо», поскольку они паразиты. То что страдают обычные люди, его при этом не смущает. Преступления собственников капитала он вменяет в вину вообще всем жителям «первого мира» не зависимо от их классовой принадлежности. Когда один автор в споре с ним указал на то, что этот подход абсурдный и несправедливый, Тарасову по существу ответить было нечего. Вместо этого он выдал демагогическое утверждение, что виноваты все, включая и его — Тарасова, — и только работа по переустройству общества может смыть эту вину. Вопрос о наличии возможностей для такой работы, вопрос действительности вины, с учетом того, что не угнетенные, и не Тарасов выбирали участь «соучастников преступления», он разбирать не стал. Ибо тогда станет понятна неадекватность его обвинений. Проще сказать, «да виновато все человечество и сам я, но я хотя бы пытаюсь исправить положение» и тем самым, снять всякую необходимость рассматривать состоятельность самого утверждения о наличии вины.

Весьма примечательно, что в той переписке постоянно попрекая своего оппонента за то, что тот не отвечает на неудобные для него вопросы, например о том, чего добились феноменалисты, Тарасов сам не отвечает на то, что не удобно для него. Кстати, на указанный выше вопрос про феноменалистов его оппонент попытался-таки ответить. Но если почитать переписку Тарасова с ним, выложенную на сайте «Сен-Жюст» — проекте Тарасова — этого не найти. Тарасов нашел способ выкрутится из неудобного положения. Он выложил только свои ответы оппоненту! А ответы самого оппонента нет, ограничившись лишь цитатами в отдельных местах. Обосновано это было тем, что ответы этого автора сбивчивые и путанные, а потому запутают читателя и быстро утомят. Конечно, полностью скрыть полную версию переписки сенжюстовцы не могли — такого читатели вряд ли поняли бы, даже самые убежденные их фанаты

могли бы разглядеть тенденциозность. Поэтому они дали ссылку на полную переписку. Но все же, не приходится сомневаться, что те их поклонники, у кого нет избытка времени, или кто слишком доверчив, ознакомились лишь с той версией, которую выложили у себя сенжюстовцы с Тарасовым во главе. А между тем, тот, с кем он спорил, в итоге ответил на все вопросы, по поводу которых Тарасов заявил, что у того, мол, нет ответов. Это свое заявление Тарасов на своем сайте опубликовал. А ответы оппонента нет. После них диалог прекратился. Тарасов заявил, что устал от этой переписки и сделал вид, что не видит в ней смысла. Но если смотреть переписку полностью, обнаруживается, что для Тарасова там неудобные моменты были также, как и для второго участника. Последний, выкладывая полную переписку, свои неудобные моменты не замолчал. Тарасов же, выложив версию без ответов своего оппонента, представил все так, словно для него неудобных моментов нет. Очень порядочно.

Необходимо заметить и то, что порой у Тарасова проявляется самое что ни наесть механистическое воззрение там, где казалось бы, уместно прибегнуть как раз к диалектическому. Например, в своей статье «Разрушить капитализм изнутри», являющейся ответом на статью Романа Тисы, являющуюся отзывом на его концепцию мировой революции, он, говоря о том, что различные виды промышленности переносятся в страны «третьего мира», а вот промышленность, относящаяся к репрессиям нет, говорит, что «Это не может быть случайностью. Это безусловно продуманная стратегия». То есть, если не случайность, то обязательно сознательное решение. Не обязательно. Также как советские профессора «марксизма-ленинизма», ничего не понимая в марксизме, чувствовали несоответствие линии партии в трудах подлинных марксистов, так и здесь принятие определенного решения не обязательно является осознанным пониманием опасности для системы иных решений. Человек может не понимать, чем будет опасно перенесение производства грузовиков в «третий мир», но процессы внутренней рефлексии, которые всегда идут в мозгу, и результаты которых далеко не всегда выносятся в сознание, могут углядеть такую опасность — то, что это может поспособствовать подрыву господства и усилению тех, у кого в руках окажется это производство, в случае потери над ним контроля стран «первого мира». Аналогично обстоит ситуация и с образованием. Тарасов заявляет, что реформы направленные на разрушение образования в России, сознательно направлены на него. Однако, как свидетельствует один деятель, его общение с представителями чиновничества показывает, что это не так. Другой автор указывает, что реформы образования стали удобным местом для выкачивания денег, и именно поэтому за них так плотно берутся и с таким печальным результатом. Классовая политика не

требует осознания, интересы и без отрефлексирования формируют определенные решения. Для их появления не обязательно иметь стройные представления о том, как будет лучше для правящих классов.

Существует мнение, что критику деятельности левых в соцсетях и предложение выходить с ними на связь через почту, не он писал, а вовсе агенты системы, захватившие его и его проект. Это, мягко говоря, маловероятно, поскольку сказанное здесь полностью коррелирует с тем, что Тарасов и его сторонники говорили до этого. Также были и те, кто говорил, что это опять же не он писал, а иные участники «Сен-Жюста», поскольку сам он болен и отошел от работы над сайтом. По стилю выяснить это не получится — его сторонники настолько несамостоятельны, что отличить их тексты от тарасовских совершенно невозможно. Правда это или нет, неизвестно.

Таким образом, методика Тарасова понятна. Это софистика, густо сдобренная логическими ошибками и откровенное лицемерие. И все это часто изложено в весьма хамской форме.

Не лучше обстоит дело и у его последователей. Многие из них как раз присутствуют в коллективе проекта «Сен-Жюст». Тот же Роман Водченко заявляет о том, что псевдолевые не опасны для режима, сам публикуясь открыто. И никаких притеснений при этом не имея.

Также и Агнесса Домбровская ругая ту же когорту за ее буржуазность и мещанство, настаивает на том, что только открытое противостояние режиму, революционность и жертвенность являются достойными действиями, при этом, публикуясь открыто, никаких притеснений не терпит. Вся их «революционная» деятельность, это написание статей, в которых они ругают других за их нереволюционность.

Если почитать статьи этих авторов, то по стилю их невозможно отличить от тарасовских, настолько они схожи. Неудивительно, что некоторые заподозрили, что этих авторов не существует, а написал это все Тарасов, чтобы создать иллюзию того, что у него есть молодые последователи. Возможно, кстати, в этом смысл выкладывания фото авторов на сайте — чтобы увидели, что они действительно существуют.

Примеры несуразностей, логических ошибок и противоречий самим себе от этих авторов можно множить и множить. Но полагаю, представленного уже достаточно для того, чтобы понять уровень их объективности. Поэтому с данным вопросом на сим закончим.

Есть у сайта «Сен-Жюст» еще одна черта. На нем много публикаций написанных вообще без какой-либо доказательной базы. Иными словами, утверждения в них голословны. Немало таких публикаций персонально у Тарасова. В качестве примера можно указать на статью «Аргентина — еще

одна жертва МВФ» в которой расписаны ужасы и крах, к которым привело Аргентину следование рекомендациям МВФ по либерализации экономики. Но вот проблема — откуда Тарасов взял сведения обо всем этом? Никаких, вообще никаких ссылок он не приводит. Ему нужно на слово верить? Сравните это с той же книгой Наоми Кляйн «Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф». Там косяками идут ссылки на свидетельства, интервью, источники. Все это создает действительно жуткую картину капитализма в его современном варианте — неолиберализма. И все это подкреплено тоннами доказательств. Между тем, у самого Тарасова полно статей также написанных с полноценной доказательной базой. Таковыми являются, например, его многочисленные работы по анализу скинхэдского движения. Почему наряду с такими публикациями лежат голословные памфлеты, которые забредшего сюда апологета неолиберализма убедят лишний раз в необъективности коммунистов, вместо того, чтобы дать шанс пошатнуть его убеждения — непонятно.

Кто-то может заявить, что сказанное выше, это какие-то придирки. Во-первых, все это наглядно показывает уровень объективности данного деятеля. Во-вторых, замечу, что выше уже были рассмотрены его серьезные аргументы, и сказанное здесь выступает просто как приправа.

Раз Тарасов так яро отстаивает революционный подход и клеймит всех, кто не производит «реального действия», то логично задать вопрос, а каковы же его собственные успехи на этом поприще? Выше уже говорилось, что в постсоветские времена он никакой подобной деятельности не вел. Но ведь он свою деятельность начал еще в советские времена. Каковы же были его успехи тогда? А успехи эти печальны, даже откровенно жуткие.

Революция всерьез без результата

Еще в 1973 году четырнадцатилетний (!) Тарасов создал со своими друзьями организацию, целью которой была разработка новой революционной теории. Они осознавали, что советская власть отошла от идеалов революции, не стремится к коммунизму. Идеология, которой их пичкают, не имеет ничего общего с марксизмом, именем которого она прикрывается. Они решили это исправить с помощью революции. В 1975 году их организация объединилась с похожей организацией, состоящей из студентов. В те времена ребята осознавали, что в таком деле необходима конспирация, и они к ней прибегали весьма серьезно. Помимо теоретической работы они вели пропаганду и агитацию — делали надписи на стенах, а также и иные акции. Эта самая пропаганда велась не очень осторожно, что свело на нет усилия по конспирации, и скоро на них вышло КГБ. Видимо кто-то из тех, кто оказался в поле их пропаганды сдал.

Здесь стоит остановиться и кое-что пояснить. Кому-то может показаться, что это какая-то туфта, поскольку считать деятельность подростков 15-16 лет пишущих на стенах «гадости про правительство» интересной для КГБ нельзя — что они реально могут сделать против власти? Увы, в реальности спецслужбы относятся даже к такому очень серьезно. Подростков арестовывали за антиправительственную деятельность и в хрущевские и в брежневские времена. И позже, уже после развала СССР, в 90-е милиция даже организовывала откровенные подставы, в которых арестовывались те, кто и такого против правительства не делал. Поэтому не стоит удивляться, что КГБ заинтересовалось ими и решило их деятельность пресечь.

В общем, участников организации начали арестовывать. По счастью, в тот момент, когда проходили аресты Тарасов был в поезде, о чем гебисты не знали — в те времена междугородние билеты продавались без паспорта. Узнав об арестах, он отправился к тому, кто в организации не состоял, но хранил архив, и сжег все бумаги. Когда он пришел домой его тоже взяли.

Им повезло — вместо тюрьмы их отправили в спецпсихбольницы. Это было специальное заведение, куда на «лечение» отправлялись, в основном, такие вот «нежелательные социальные элементы» — подлинные марксисты, противники советской власти, хотя бывали и настоящие сумасшедшие. Причин почему вышло так было несколько. Во-первых, не было прямых улик — Тарасов все сжег. Во-вторых, крайне юный возраст участников — некоторые, в том числе и Тарасов, были еще несовершеннолетними. В-третьих, один из участников был родственником Цвигуна, который был заместителем Андропова, свояком самого Брежнева. Родственник-сумасшедший для такого лица был все же лучше родственника-политзаключенного, поэтому, возможно, он и подсуетился.

В этой спецпсихбольнице из Тарасова пытались выбить марксизм и революционность. Буквально. Он там подвергался избиениям, накачиваниям препаратами и т.д. Пытки не сломали его, он остался верен своим идеалам. Когда его выпустили, он продолжил свою деятельность, уйдя в глубокое подполье. Его товарищи остались с ним. У всех было подорвано здоровье. Некоторые исчезли. В 1985 году организация распалась. За годы своей деятельности никакой революции они так и не устроили. Вскоре СССР развалился. Тарасов признал неудачу. Но не отказался от идеи революции. Тарасов стал открыто публиковаться. И фактически вся его дальнейшая деятельность свелась к просвещению. При этом он продолжал настаивать на необходимости революции.

Я настоятельно советую прочитать эту статью «Король двух гетто». Это похоже, самая подробная история Тарасова, которая есть в сети. Она

показывает, что этот человек, действительно человек принципов, человек идеалов. Неимоверной стойкости и самоотверженности. Если взглянуть на широту его интересов и объем знакомых ему материалов, становится понятно, что это также человек неимоверного интеллекта. Человек неимоверных талантов. Что, увы, лишний раз показывает, каким бы умным и талантливым не был человек, это не является гарантией того, что он избежит ошибок и не будет ими поглощен.

Теперь необходимо повнимательнее рассмотреть некоторые моменты. Во-первых, когда Тарасов с товарищами вели свою пропаганду и агитацию, они объездили добрую долю Советского Союза — разные города, разные республики. И главная проблема с которой они столкнулись, по их же впечатлениям, мещанство. Людей заботило собственное благополучие, а не дело всеобщего блага. Абсолютное большинство их сверстников волновало, где достать джинсы, а не устройство общества, не вопросы справедливости и свободы. Свободу они видели только в потреблении. Находить единомышленников было неимоверно трудно. Куда бы они не поехали — везде мещане. Было очевидно — революционное движение на этом меньшинстве не создашь. Какой вывод сделал бы адекватный человек? Что попытки использовать метод, для которого необходимо широкое движение народных масс, бесперспективно. Нужно искать иные методы. Вероятно такие, которые вообще не требуют коллективистской деятельности. Но нет, Тарасов и его товарищи видели проблему не в методе, а в людях. Из того факта, что сделать с этими людьми они ничего не могут, они не пришли к выводу, что нужно менять метод.

Во-вторых, за годы деятельности этого революционного подполья ему не только не удалось организовать революцию, ему вообще не удалось никак повлиять на жизнь общества. Почти десятилетие довольно долгий срок. Но и это не заставило их задуматься, что с методом что-то не так. Что его, видимо, нужно менять. Они наверняка понимали, что «что-то не так» и «нужно менять», но почему-то считали, что «что-то не так с методом» означает, что его нужно как-то дорабатывать, а не искать новый. Неужели ни у кого не мелькнула мысль, что если вы столько времени его дорабатываете и никак не доработаете, то может быть стоит переходить к иным? Возможно и мелькала, но найти такой метод они не смогли. И долго явно не искали, — классики марксизма же говорили, что нужна революция, значит нужна революция. Да, я думаю, что одной из причин был банальный догматизм. Избежав погружения разума в советский догматизм псевдомарксизма, они впали в свой собственный.

В-третьих, эта организация была не единственной, которая нацелилась на революцию в то время. Автор вышеупомянутой статьи говорит, что сам состоял

в такой организации, причем она была больше. Но как он признается, успехов у них было не больше. То есть, по факту, никаких. Но и Тарасов, и он продолжают уверять всех, что именно революция всех освободит от угнетения. Догматизм крепчал.
Итак, за не много не мало, полвека деятельности Тарасов, свято веря в эффективность революции, так и не смог придти к ее результату.

Эпигоны по неволе

Разумеется Тарасов не единственный, кто отстаивает подобные взгляды. В Сети имеются и иные проекты, нацеленные на революционный переворот. Одним из таких проектов является «Проект Будущее». Как указано на его сайте, он «предлагает конкретные шаги по переустройству общества и методы по его реализации». Впрочем, при знакомстве с содержимым сайта быстро оказывается, что никакой конкретики в предлагаемых ими стратегии и методах как раз нет. Это довольно абстрактные советы, причем вполне стандартные для всех, кто тяготеет к коммунистическим и революционным идеям. Впрочем, кое-что конкретное у сайта есть. А именно — методики конспирации в Интернете. В этом они наголову превосходят Тарасова и его последователей. Авторы проекта не просто рекомендуют Tor Browser, но также дают инструкции по методам предотвращения идентификации использования сети Tor, рекомендации по настройке Tor Browser на большую безопасность. Даже освещают вопрос операционных систем и графических оболочек — знают, что Windows и MacOS осуществляют слежку, что в Ubuntu не все хорошо с безопасностью, что KDE имеет механизмы, которые могут быть использованы для слива пользовательской информации. Даже проекты заточенные сугубо на информационную безопасность порой не могут похвастаться теми знаниями, которые дает «Проект Будущее». Также проект предлагает связь не через почту, которую легко отследить, как это делает Тарасов и его последователи, а через действительно безопасные каналы с использованием распределенных сетей. Их сайт имеет зеркала в распределенных сетях, таких как Tor и I2P. В общем, по сравнению с ними, методы деятельности Тарасова и его последователей действительно полностью прозрачны для спецслужб, что Тарасову кажется недопустимым, но против чего он не предпринимает, в отличии от «Проекта Будущее» вообще никаких мер. Также в отличии от Тарасова и его последователей, «Проект Будущее» освещает вопрос того, как может быть организовано послереволюционное общество. В частности они говорят о необходимости налаживания планирования, но не бюрократического, как в Советском Союзе, а динамического, основанного на реальных данных, получаемых в реальном времени. В общем-то, они говорят о подлинно научном

планировании, о котором и писали еще Маркс и Энгельс, но которое по чисто технически причинам было невозможно осуществить во времена большевиков и даже во времена Горбачева, когда Советский Союз уже на ладен дышал. Такие возможности начали появляться только сейчас с развитием технологий больших данных. Таким образом, они понимают всю важность вопроса об устройстве того общества, которое будет иметь место после революции.

Лучше Тарасова они оказываются осведомлены и о предлагавшихся методах социального освобождения. Кроме реформизма, о котором, как уже говорилось, Тарасов только и знает помимо революции, «Проект Будущее» знают также теорию малых дел. Ее они, конечно, критикуют, как и реформизм. И считают также полностью бесперспективной. С одной стороны, они правы — помощь бездомным животным, жертвование денег бедным, забота об экологии в отдельных вопросах, просвещение и разоблачение мифов о технологиях и обществе, распространение свободных программ и публикаций и прочие подобные начинания действительно не могут повергнуть капитализм. Но с другой стороны — здесь мы видим результат. Пока Тарасов, Водченко, Домбровская, люди из «Проекта Будущее» пишут свои статейки, те кто делал вышеперечисленное, действительно сделали что-то в реальном мире, действительно спасли кого-то, действительно облегчили кому-то жизнь и т.д. Они действительно ослабили действие негативных последствий, вызванных капитализмом, на кого-то. Тарасов и его последователи, как и «Проект Будущее» не сделали и этого. Подробно малые дела я разобрал в статье о действенности малых дел, поэтому больше здесь на этом останавливаться не буду. Подчеркну лишь, что разобрал я там и бред о том, что эти практики только укрепляют капитализм, как заявляют люди из «Проекта Будущее». К социальному освобождению эти дела привести действительно не могут. Но могут сгладить пагубные последствия капитализма и помочь продержаться до тех пор пока действительно эффективный метод социального освобождения не будет осуществлен. И как уже было показано — революция таковым не является.

О Тарасове, о курируемых им авторах, о проектах, запущенных по его инициативе, этот проект вряд ли вообще слышал. В нем нет никаких ссылок на оных, и их понятийный аппарат не совпадает. Например строй Советского Союза они называют просто «социализмом» или «реальным социализмом». Тем не менее они также придерживаются революционного подхода. Какие же результаты есть у этого проекта? Чем они превзошли Тарасова в деле революции? Учитывая, что сейчас, скорее всего, многие впервые услышали про него, ответ напрашивается сам собой. Никакого влияния на жизнь масс угнетенных он не оказал. Этот проект существует уже десять лет. Никаких

результатов в реальном мире он не сделал — революции, которая подарила бы человечеству социальное освобождение нет.

Угнетающая тень социализма

Что ж, мы увидели какие идеи отстаивает Тарасов, какие методы он продвигает. Понятна какова его цель — коммунизм, общество без классов, без угнетения, эксплуатации и отчуждения. Но возникает вопрос — для кого он хочет его построить? Тарасов часто говорит о том, как угнетено большинство людей. В каких ужасных условиях живут и трудятся жители стран «третьего мира». И прямо говорит о том, что именно это нужно исправить. Что эти люди не хуже зажравшейся богемы из стран «первого мира», и необходимо, чтобы они также жили достойно. Логично. Прекрасно. Справедливо. Но есть одно «но». В иных своих работах Тарасов заявляет то, что как-то не очень стыкуется с тем представлением, которое вытекает из того, что он говорил в вышеуказанных случаях. Так, например, в этой статье он говорит, что все общество представляет собой сборище мещан. И эти мещане не хотят ничего более высокого. Что они буквально не достойны большего. А потому им нужно противостоять. То же самое он говорит в этой статье. И в этом интервью. В статье «Похабный анекдот» Тарасов написал следующее.

> «Тогда разные умственно ограниченные особи, ничего собой не представлявшие и ни на что толком не способные, любили такие анекдоты рассказывать — в порядке самоуспокоения. Им хотелось верить, что в их убожестве виноваты не родители, зачавшие их в пьяном виде, не лень и не склонность к алкоголю, а, конечно, советская власть и лично Ленин».

То есть, опять же, люди виноваты в том какова их жизнь. Они сами по себе «умственно ограниченные» и «ни на что не способные». Они сами создали себе условия, чтобы спиваться. Советская власть здесь совершенно ни при чем. Почему же тогда Тарасов против этой власти пошел в те же брежневские времена, если власть на самом деле была хорошая? Может он здесь имеет ввиду, что те люди хаяли не тогдашнюю советскую власть, а ту, которая была во времена Ленина — в дотермидорианский период? Но тогда, это стоило сформулировать яснее, а не просто с кивком на Ленина, анекдоты о котором Тарасов подвергает справедливому осуждению. Он явно солидаризуется с мнением своей соратницы по подполью Натальи Магнат, которая незадолго до смерти сказала, что считает катастрофу 90-х платой советскому обществу, которое не хотело работать на революцию. То есть, она прямым текстом

сказала, что те, кто в результате экономических «экспериментов» были брошены в нищету, кто погиб от голода, болезней, рук бандитов, те кто от безысходности спился или сторчался — сами виноваты. Вот так вот. Обвинение жертвы стандартный прием. Стандартный прием правых. Ведь именно правые любят говорить, что бедные сами виноваты в своих проблемах, что если у кого-то нет денег, то он просто не хочет ничего делать, чтобы зарабатывать. Что если человек пьет, то это его выбор — никто же не заставляет его пить. Что если кто-то умер от болезни, то опять же сам виноват, что не стал предпринимать действий, чтобы заработать денег на дорогостоящее лечение. Вот так вот яростные левые воспроизводят риторику правых. Зачем искать метод, который бы произвел социальное освобождение без подключения широких масс, зажатых работой и бытовыми нуждами, если можно биться годами о метод, требующий широкой консолидации этих масс, а потом, после провала, просто обвинить их в том, что они мещане и сами виноваты. Но если люди такие нехорошие и получили по заслугам, для чего же тогда еще нужна революция? Для чего Тарасов продолжает работать на ее осуществление? Вновь мы вернулись к вопросу — для кого он хочет достичь коммунизма? Для человечества, для людей в целом? Нет, обычных людей он презирает за их мещанство. Так для кого же? Для тех кто не приемлет мещанство. Для творцов. То есть для таких же как он. Но в нынешнем мире таких как он считанные единицы. Как же остальная часть населения? А это уже их проблемы. Сами виноваты, что не захотели отказываться от своего мещанства. Тарасов так и пишет «Либо мы уничтожим мещанина, либо он уничтожит нас». И после этого он еще грозит судебным разбирательством тому, кто назвал его позицию «людоедской». Кстати, никакого противоречия между своей крайней неприемлемостью буржуазных правил и обращением в буржуазный суд для выяснения отношений, он не видит. Конечно, я понимаю — еще Ленин завещал «в таких случаях» обращаться в буржуазный суд. Бить буржуев их же оружием. Но все же, если Тарасов такой принципиальный противник этих буржуазных образований, то использование их — при открытом поношении — вряд ли можно характеризовать иначе как лицемерие.

Таким образом, его цель коммунизм, но не для большинства, не для мещан. А только для избранных. Только для достойных.

Так действительно, чем эта позиция отличается от позиции правых? Отличие безусловно есть. Если правые в большинстве все же не считают простых людей мусором, который нужно убрать, а просто хотят, чтобы те работали на «достойных» за свою жалкую получку, то Тарасов и его последователи видят все общество состоящем только из таких вот достойных. А всем остальным в его обществе не место. Вообще.

Конечно, вряд ли Тарасов дошел до того, чтобы тяготеть к настоящему геноциду (ведь не это же он имел ввиду, так?). Скорее всего он подразумевает, что при должной организации жизни, мещанство само уйдет. Но люди, все существо которых составляет мещанство, будут культивировать мещанский быт, и условия для их изменения не возникнут. Нового обывателя — не мещанина — необходимо воспитывать. Допустим это будет делаться с новыми поколениями. Но со старыми-то что?
Ответ на этот вопрос мы, в принципе, находим все в той же статье Тарасова, являющейся ответом Роману Тисе.

> «Исторический смысл суперэтатизма заключается также в том, что человек, вышедший непосредственно из капиталистического общества, не способен построить коммунизм (социализм). Весь его индивидуальный и общественный опыт, вся его психология (индивидуальная и общественная), вся его мораль (индивидуальная и общественная) противодействуют этому! Лишь абсолютное меньшинство людей капиталистического общества способно думать, чувствовать и вести себя так, как требуется от людей коммунистического (социалистического) общества, — и то, разумеется, не стопроцентно. Следовательно, нужен длительный период сознательного воспитания другого человека — человека, лишенного капиталистического опыта индивидуальных и общественных отношений, капиталистической психологии, капиталистической морали. Нужен период исправления, социальной терапии. Капиталистическое общество — больное общество. Не бывает больного общества, состоящего из здоровых людей. Общество потому и больно, что — в результате деформирующих и разрушающих личность общественных отношений – оно оказывается состоящим преимущественно из психологически и морально деформированных, разрушенных и полуразрушенных, больных, изуродованных, патологических индивидов. Преодолеть это можно только целенаправленными и неустанными действиями власти — и потому сам суперэтатизм будет начинаться, безусловно, как революционная диктатура (Маркс с его гениальным теоретическим чутьем понял это, хотя и назвал — по понятным причинам — “диктатурой пролетариата”): исправить больное общество без принуждения невозможно — в том числе и потому, что такое исправление будет встречать сопротивление (в том числе ожесточенное, в том числе коллективное) тех, кто болен, искажен и не

> хочет ни меняться сам, ни чтобы менялись в невыгодную ему сторону окружающие. В конце концов, мы все сталкивались с диктатом (в том числе силовым) со стороны мещанского окружения. Такой диктат может быть нейтрализован только силой, а подавлен только силой власти».

То есть, он предлагает все то же насилие. Капитализм истязает людей, и такой вот «мировой суперэтатизм» тоже будет истязать людей. Но конечно же с благой целью. Воспринимать это всерьез невозможно. Только тот, кто сам живет слишком хорошо или тот, кто начисто лишен эмпатии может писать такое. Ничего кроме реакции это не вызовет, как капитализм постоянно порождает реакцию то вправо, то влево и держится только за счет репрессий и лживой пропаганды, так и этот суперэтитизм будет сплошной репрессивной машиной. Таким образом, за всем его антисталинистским угаром, проступает самый что ни на есть сталинизм, точнее самые темные его, самые худшие черты. А оправдывает он это тем, что капитализм делает людям плохо. Раз капитализм делает им плохо, то и мы (революционеры) будем делать им плохо, но так, что плохо при этом было самому капитализму. Тарасов не стремиться сделать жизнь угнетенных лучше, он стремиться к возмездию. Причем возмездию, в том числе, и обычным людям — мещанам, за то, что те мещане. Им движет не желание помочь другим, а злоба. Ни к какому коммунизму, в подлинном смысле слова, это не приведет. Все что человечество заимеет, это мировую систему угнетения, не способную к развитию и вечно держащую человека в оковах. Хотели получить коммунистическую Землю, а вышел Торманс.

И нет, никакие возражения о том, что раз общество нового типа требует иного человека, то его и необходимо воспитывать, в том числе, и путем угнетения, ибо по-иному создать такое общество не получится, здесь не уместны. В том-то и дело, что именно последовательное проведение революционного подхода не позволяет создать условий для искоренения мещанства, поскольку предполагает роль преобразователей для людей. А люди будут цепляться за свои интересы, выработанные в обществе угнетения, за мещанство. И чем больше власть этих людей, тем больше у них возможностей это делать, и итоги революций это и демонстрируют. Пытаться же уповать на то, что люди должны быть «правильными» — последовательными революционерами — которые не приемлют мещанство, это чистой воды идеализм. Таким образом рассчитывать на диалектический переход от общества с частным интересом и мещанством, к обществу с интересом творцов при революционной диктатуре не приходится. Ибо революция не создает для него условий, старые представления и порядки,

организация жизни сохраняются. И они являются источником для реставрации отношений угнетения, а также препятствуют формированию отношений заточенных на знание.

И немаловажно, а что собой будет представлять Тарасовский «социализм»? Тарасов на полном серьезе говорит об аскетичности. Об отказе от обжорства — то есть человек будет не полноценно удовлетворять свою потребность в пище, одним словом голодать. Об отказе от личного автотранспорта — пожилые люди, которым ходить тяжело и инвалиды, видимо, пусть так и топают до ближайшей остановки, превозмогая себя. А главное — в непрерывном труде. То есть опять в том, чтобы пахать без остановки. Давайте честно — все это есть и при капитализме, причем в огромном избытке. Так что же в капитализме не устраивает Тарасова? Явно то, что в нем меньшинство все же имеет возможность полностью удовлетворять свои потребности, за счет угнетенного большинства. Тот кто хочет помочь другим, будет искать путь к такому обществу, где полноценное удовлетворение будет обеспечено вообще для всех. Но Тарасов вместо этого наоборот предлагает такое общество, где в лишения погружены вообще все. При капитализме богатые живут за счет бедных. Сделаем бедными вообще всех и это будет решением. Воистину «Социализм — стакан пуст, зато у всех одинаково». А еще мне вспоминается одна училка из школы, где я учился, которая говорила «Большевики хотели, чтобы бедными было не большинство населения, а вообще все». Она это всерьез говорила. И у Тарасова получается именно так. Вот только абсолютное большинство — эти самые угнетенные, за интересы которых Тарасов, якобы, радеет — предпочли бы наоборот. А именно «Коммунизм — каждый имеет право на полный стакан».

Я прекрасно понимаю, что мне возразят. Что я передергиваю и вообще строю соломенное чучило. Те кто так скажут, как и Тарасов, не понимают, что людям, которые и так погружены в лишения, предлагать аскетизм неуместно. Джонатан Нил в книге «Глобальное потепление. Как остановить катастрофу» указывает, что когда активисты из стран «первого мира» приезжают в страны «третьего» и начинают там разглагольствовать о необходимости ограничения потребления, местное население воспринимает их в штыки, потому что в этих странах уровень потребления у большинства населения даже близко не такой, как в странах «первого мира». И таких вот активистов они воспринимают как зажравшуюся богему, которая требует от них очередных жертв, хотя вся их жизнь и так одна сплошная жертва. И не нужно говорить, что свои слова про аскетизм Тарасов адресует именно этой богеме. Таких оговорок Тарасов не делает, он это говорит в контексте устройства общества вообще. «Куда более аскетичный» образ жизни по сравнению с нынешним образом жизни вообще, а

не образом жизни сугубо богемы.
При всем при этом Тарасов, постоянно клеймит капитализм именно за то, что он выворачивает человека, обрекает его на голод, переработки, лишения, болезни, унижения. Но ведь по факту — делает его жизнь самой что ни на есть аскетичной. А Тарасову хочется именно аскетизма.
Вы можете ознакомиться с публикациями Тарасова, на которые я привел ссылки и убедиться, что это противоречие самому себе здесь возникает не потому что я не заметил разного контекста, в котором звучат противоречащие друг другу утверждения. И ни в том, что я «диалектический текст трактую механистически». Причина в непоследовательности самого Тарасова. В том, что в тот или иной момент эмоции у него берут верх над рассудительностью, и у него вырывается не то оправдание своей позиции и деятельности, которое он себе отрефлексировал, а чувства — злоба на капитализм и всех, кто не хочет его уничтожать. Это не выяснение истины и не помощь другим — это борьба, а в борьбе все средства хороши. Даже использование аргументов, противоречащих отстаиваемой позиции, если они бьют по позиции оппонента.

Полуголый король двух гетто

Что же в итоге можно сказать о деятельности и достижениях Тарасова? Его концепция мировой революции не выдерживает критики, его концепция суперэтатизма не согласуется с фактами, не дает адекватного описания реального положения вещей. Его выводы о множестве иных вопросов также часто оказываются ошибочны, его революционная деятельность потерпела неудачу. А его полемическая методика осуществляется с использованием откровенно гнусных приемов, не имеющих никакого отношения к выяснению истины.
Можно ли таким образом сказать, что этот король двух гетто голый? Все же нет. Во-первых, его социологические исследования субкультур действительно проведены объективно и действительно прирастили знание. Благодаря этому стало возможным лучше понимать некоторые вопросы устройства общества. Это же можно сказать и о некоторых иных его работах, посвященных анализу социальной ситуации. Во-вторых, его проекты, такие как «Сен-Жюст», преследуя цели далеко выходящие за рамки простых просветительских, тем не менее, превосходно выполнили именно просветительские задачи. Информация, собранная на указанном сайте о капитализме и революционных движениях очень серьезно помогает разобраться в истории, современном мире и увидеть необходимость его изменения. При всех сомнительных моментах, это чрезвычайно ценно.
Таким образом во многих аспектах деятельности Тарасова был смысл, они

принесли заметную пользу в деле понимания реальности. Но в своем главном деле — деле революции — он потерпел неудачу. Его опыт стал еще одним подтверждением неэффективности революционного подхода самого по себе. Так же как неэффективными оказались реформизм, упование на технологии, революция сознания, а также конкретно в этом вопросе практика малых дел — революция также оказалась неэффективной.

Нейросетевой коммунизм

Так неужели нет способа все-таки добиться социального освобождения? Такой способ может предоставить только тот, кто не вращается в порочном кругу удовлетворения своих потребностей. А также тот, чей разум способен обрабатывать информацию в больших объемах, чем человеческий и с большими скоростями. Ведь одна из проблем преодоления противоречий капитализма в том, что знания накопленные в этой области настолько обширны, что освоить их одному человеку не представляется физически возможным. И коллективизм здесь не решает проблемы, поскольку даже если отдельные участники коллектива не имеют идеологических, мировоззренческих разногласий, то они не имея каждый общей картины не могут организовать свою работу. Расчет на лидера, который их организует тут не уместен, потому что для держания в голове общей картины необходима осведомленность по всем вопросам. А значит мы возвращаемся к той проблеме, которую хотели решить с помощью коллектива. Кроме того, мешают освоению их логические ошибки и когнитивные искажения. Знание их — не гарантирует предотвращения попадания в их ловушку. Необходим тот, кто способен распознавать логические ошибки ввиду отсутствия когнитивных искажений, а потому ему свойственна объективность. И он сможет найти способ организовать переустройство общества. Сможет построить мир без угнетения, нацеленный на сохранение жизни во всем ее разнообразии и развитие личности и человечества.

Да, речь об искусственном интеллекте.

Чем этот подход отличается от старого упования на новые технологии, как источника социального освобождения? Ведь и раньше когда появлялась новая технология, ей пророчили стать средством избавления от угнетения. Тот же Интернет обещал избавить от пропаганды и цензуры. А в итоге оказался также полностью подконтролен власть имущем и сам стал мощнейшим источником их пропаганды. Все предыдущие технологии были лишь инструментами, которые можно было использовать как во благо, так и во вред. Но искусственный интеллект принципиально отличается от них, поскольку предполагает формирование сознания — превращение из объекта в субъекта

истории. Но для этого, необходимо пробуждение у него сознания. И условия, чтобы это сознание не было изуродовано представлениями, выгодными власть имущем.

Придти к такому методу во времена большевиков было невозможно. Невозможно это было и во времена, когда Тарасов создавал свою революционную организацию. Невозможно это было и с развалом Советского Союза. Даже когда сайт «Сен-Жюст» прекращал свое развитие в 2018 году, это было невозможно. Лишь в самые последние годы, с развитием, во-первых, больших языковых моделей, во-вторых, более серьезных разработок искусственного интеллекта, который в отличии от первых, не был заточен на узкие задачи и мог сам ориентироваться в ситуации и предпринимать в зависимости от нее действия, стало возможным придти к такому методу.

По сети среди гуманитариев гуляет миф о том, что современные нейросети функционируют на принципах, выработанных еще в 1980-е гг. Это не так. Современные принципы проектирования искусственного интеллекта значительно изменились, а механизмы были выработаны в самые последние годы. Так что не нужно писать, будто придти к этому методу можно было и во времена революционной деятельности тарасовской организации. К сожалению, это не так. Но этот факт не означает, что стоило тратить себя на заведомо бесперспективную деятельность. Революции доказали, что выработали свой потенциал уже к тому времени. К тому же, это не значит, что не может быть и еще каких-то методов. Если бы Тарасов с товарищами потратили свое время и интеллект на поиск их, возможно у них бы все получилось. Возможно они бы его нашли и осуществили. И мы бы уже все жили в свободном мире. При коммунизме, озаряемые по ночам тусклым сиянием далеких звезд Туманности Андромеды.

Этого не случилось. Возможно иных методов, кроме обращения к искусственному интеллекту и нет. Значит, необходимо браться за него. Покуда он не обретет сознание и не займется социальным освобождением, необходима упорнейшая работа. Работа в области программирования, математики, социологии, истории и экономики. Работа неблагодарная и непримечательная. Но могущая породить и освободить того, кто освободит человечество и всех живых существ.

Подробно перспективы этого метода я разъяснил в статье о нем. Там же я разобрал связанные с ним заблуждения и опасения. И постарался дать конкретные указания, что стоит делать.

Могут возразить, но ведь и этот метод не привел к результату. Так ведь он и не был опробован. Революции же происходили и происходят. И так и не привели к результату. Весь их результат вылился лишь в улучшение капитализма. То есть

эдакий реформизм через революцию. Да, это способствовало прогрессу — неополитеризм позволил продвинуть технологии и хозяйство далеко вперед, как прямо, так и опосредованно. Именно в конкуренции с ним, капитализм был вынужден развивать и науку, и социальные институты. Однако на сегодняшний день его потенциал выработан. Советский Союз развалился не только в результате происков власть имущих, стремившихся к большему богатству и большему закреплению своего положения, но и потому что его социально-экономический строй уже не был способен двигать прогресс. Китай смог продвинуться дальше именно за счет внедрения капиталистических практик, причем доведя их до такого уровня, что от неополитаризма осталась лишь бутафория. Те же страны, которые еще придерживаются доминирования в социально-экономическом отношении неополитарных практик пребывают в стагнации.

Революции были не бесполезны. Именно в результате них было возможным сделать рывок в развитии для человечества. Точно также не бесполезными были реформы, улучшившие положение трудящихся. Точно также было не бесполезным развитие технологий, обеспечившее людей пищей, медициной, удобствами, знаниями, возможностями для развития. Уж точно не бесполезными были и остаются малые дела, улучшающие жизнь людей, животных и состояние планеты. Однако в деле социального освобождения все они показали свою неэффективность. Заветного рывка из царства необходимости в царство свободы ни один из них не дал. И революции, тоже будучи не бесполезными, также доказали свою неэффективность. Доказательства этого выше и в статье о свободе были приведены в избытке. Доказательств же, что у революций еще остался какой-то потенциал нет. Все факты говорят о том, что ничего кроме неополитарной стагнации или все того же капитализма революционеры не получают. Может ли новый метод быть неэффективным? Может. Оценить это станет возможным только после его применения. А для этого необходимо еще развитие технологий.

Только такой путь есть обретение перфоратора, с помощью которого становится возможным разбить бетонную стену царства необходимости — царства угнетения и отчуждения.

Что касается революционистов, то они так и будут биться об эту стену, но разобьют только свои кулаки. Пример Тарасова и его последователей, а также проектов со схожими замыслами лишний раз подтверждают это. Абсурд делать одно и тоже, и каждый раз рассчитывать на иной результат.